

ИСКЛЮЧЕНИЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

— Лари Лис —

Лари Лис

Исключение

<https://litres.ru/74657938>

SelfPub; 2026

Аннотация

Однажды человек и вампир выбрали друг друга вопреки всему. Но можно ли отстаивать право оставаться собой — и добровольно измениться настолько, что дороги назад уже не будет? Где проходит граница между выбором и жертвой? Между любовью и попыткой решить за того, кого любишь? Между порядком, который действительно работает, и системой, однажды решившей, что лучше знает, как должна выглядеть чужая жизнь?

Лари Лис

Исключение

Пролог

Я стоял у самого края и смотрел на реку. Шадан-Гол за эти годы не изменился. Те же три протоки разрезали долину, те же мосты лежали над водой, те же сосны цеплялись корнями за каменистый берег. За ними поднимались горы — неподвижные, равнодушные ко всему, что происходило внизу. Менялся уровень воды, весной течение становилось тяжелее и злее, летом отступало от камней, где-то осыпался берег, падали старые деревья и вырастали новые, но издали всё оставалось таким же, каким я увидел это место несколько лет назад. Вода шумела внизу. Солнце било по ней под углом, и поверхность вспыхивала тысячами коротких белых бликов. Они рассыпались, исчезали, появлялись снова, двигались вместе с течением, и временами смотреть на них становилось невозможно.

Сашу я услышал задолго до того, как она подошла. Она до сих пор время от времени пыталась подкрадываться ко мне. Не только здесь, но и дома тоже. Иногда я возвращался поздно и слышал, как она осторожно ступает по коридору, искренне рассчитывая, что вампир, способный различить че-

ловеческое сердцебиение, каким-то образом не заметит женщину, которая пытается застать его врасплох. По неизвестной мне причине ей нравилось изображать ниндзя. По другой, не менее непонятной, мне нравилось делать вид, что у неё это получается.

Шаги остановились за моей спиной.

— Ты опять решил грациозно свалиться в реку?

Я улыбнулся.

— Только если ты прыгнешь следом.

Она рассмеялась.

— Нет уж. Второй раз я на такую авантюру не соглашусь. Я однажды уже полезла в воду вытаскивать одного подозрительного вампира, и, как показала дальнейшая практика, ничем хорошим для меня это не закончилось.

— Ты всё ещё можешь исправить ошибку.

— Поздно. Гарантийный срок закончился.

Я повернулся. И на несколько секунд снова забыл, что собирался ей ответить. Это было нелепо. Я знал её слишком хорошо. Мог определить настроение по одному взгляду, по дыханию, по тому, как она закрыла дверь, поставила чашку на стол или произнесла моё имя. И всё равно иногда просто смотрел на неё.

За долгую жизнь многое перестаёт производить впечатление. Новое становится знакомым, красивое — привычным. Ты начинаешь заранее знать, чем закончится разговор, чего хочет вампир или человек перед тобой, какое решение он

примет, если дать ему достаточно времени. Мир редко способен предложить что-то, чего ты ещё не видел в той или иной форме. С Сашей это почему-то не работало. Она могла просто идти ко мне по траве, щурясь от солнца, и во мне всё равно возникало то же движение, которое я когда-то считал временным помешательством. Только теперь я хотя бы перестал пытаться от него избавиться.

Она подошла ближе, и я протянул руку. Саша автоматически вложила в неё свою ладонь, даже не посмотрев. И от этой простой привычки внутри каждый раз происходило что-то несоразмерное самому движению. Я сомкнул пальцы и потянул её к себе. Она шагнула ближе, а я поймал её за талию и поставил рядом. Ладонь сама осталась на её боку. Мне вообще давно не приходилось думать, прежде чем прикоснуться к ней. Если Саша находилась достаточно близко, рано или поздно моя рука всё равно оказывалась на ней. На талии, спине, бедре. Иногда просто на её пальцах. Когда-то любое прикосновение между нами было отдельным событием.

Я помнил слишком многое из тех первых дней: как она напрягалась, когда я подходил близко; как следила за моими руками; как пыталась скрыть страх и одновременно злилась на себя за него. Теперь она даже не замечала, что я держу её. И, возможно, именно это нравилось мне больше всего. Она доверяла мне настолько, что перестала думать обо мне как об опасности. Хотя прекрасно знала, кем я был.

Я провёл большим пальцем по её боку.

— Я всё-таки не понимаю, зачем нам обязательно прилетать сюда каждый год. Причём именно в августе. Ты превратила это в какой-то человеческий ритуал, нарушение которого, судя по всему, грозит немедленным разрушением наших отношений.

Саша повернулась ко мне.

— Потому что мне нравится сюда возвращаться. И потому что отсюда началась наша история. По-моему, этого вполне достаточно. Хотя я прекрасно понимаю, что для вампира, который способен составить график даже для собственного отдыха, идея делать что-то просто потому, что хочется, выглядит подозрительно.

— Я умею отдыхать.

Она посмотрела на меня с таким выражением, что я рассмеялся.

— Даже спорить не буду, — сказала она. — Просто в следующий раз, когда ты возьмёшь с собой планшет «на всякий случай» и через двадцать минут начнёшь отвечать на рабочие сообщения, я напому тебе этот разговор.

— Я отключил его утром.

Она моргнула.

— Добровольно?

— Саша.

— Нет, подожди, это важный момент. Где-нибудь надо записать дату.

Я притянул её ближе.

— Поэтому я и не понимаю твоего ритуала. Каждый год я добровольно лечу с тобой чёрт знает куда, отключаю связь, несколько дней слушаю, как ты рассказываешь мне, что именно изменилось в реке с прошлого августа, а потом всё равно вынужден доказывать, что мне здесь нравится.

— Потому что ты сначала минут десять рассказываешь, насколько бессмысленно сюда прилетать.

— Я поддерживаю традицию.

Она засмеялась и положила ладонь мне на грудь. Я почувствовал её тепло даже через ткань.

— Ну вот, — сказала она. — Значит, всё-таки признаёшь, что у нас есть традиция.

— Я признаю, что у меня есть должность, благодаря которой я могу поднять вертолёт и привести тебя сюда, когда нам надо. Если хочешь, можешь называть это традицией.

Я посмотрел на неё сверху вниз. Глаза у неё всё ещё были теми же. Я иногда думал, что за эти годы должен был привыкнуть хотя бы к ним. Не привык. Чистый, яркий голубой цвет, которому я так и не нашёл нормального сравнения. В них всегда было слишком много жизни. Когда-то именно эти глаза остановили меня. Потом преследовали, потом стали первым, что я искал, входя в комнату. Теперь я видел их каждое утро, просыпаясь рядом с ней.

Саша нахмурилась.

— Ты чего?

— Ничего, — я покачал головой.

— Вот это твоё «ничего» обычно означает, что ты опять что-то очень долго думаешь и не собираешься мне говорить.

— Я смотрю на тебя.

Она тут же прищурилась.

— И что со мной не так?

Я не удержался и улыбнулся. Вот это было очень по-человечески. Сказать женщине, что ты на неё смотришь, и первым предположением будет, что с ней что-то не так.

— Всё.

— Реард.

— Я сказал, что всё в порядке.

— Нет, ты сказал «всё». Это совершенно разные вещи.

Я положил вторую руку ей на талию.

— Хорошо. Ты красивая.

Это тоже никуда не исчезло. Саша могла час спорить со мной, рассуждать, язвить, задавать вопросы, на которые сама же успевала ответить, прежде чем я открывал рот. Но стоило сказать ей что-нибудь напрямую — без игры и привычного обмена колкостями, — и она иногда всё ещё терялась. Её щёки едва заметно порозовели.

— Доволен? — спросила она.

— Очень.

Она попыталась сохранить серьёзное лицо, но не смогла.

— Самоуверенный вампир.

— Ты живёшь со мной достаточно давно, чтобы это уже не было открытием.

— Я всё ещё надеюсь на исправление.

— Напрасно.

Я сомкнул руки вокруг неё, и Саша тут же устроилась в них так, как делала всегда: одной ладонью за мою спину, щекой к груди, чуть повернув голову к реке. Её тело давно знало моё не хуже, чем моё — её. Мне нравилось это слишком сильно. Нравилось, что ей не нужно искать удобное положение. Что она могла опереться на меня всем весом, не задумываясь. Что иногда во сне закидывала на меня ногу и продолжала спать, будто я был частью кровати. Что протягивала руку, не проверяя, подам ли свою.

Я прожил достаточно долго, чтобы не верить в необходимость другого человека. Люди приходят и уходят. Иногда медленно, иногда слишком быстро. Любая потеря со временем становится частью прошлого, а потом и прошлое истирается. Это не жестокость, просто иначе невозможно жить долго. До неё я прекрасно обходился один. И именно поэтому долго не мог понять, что произошло. Саша не заполнила какую-то пустоту. Она её создала. Рядом с ней вдруг появилось место, которого раньше в моей жизни вообще не существовало, а потом оказалось, что я больше не представляю, чем его заполнить, если её не станет. Вот это и было самым неприятным открытием.

Не любовь. С любовью я давно перестал спорить. Зависимость от её присутствия. Я видел красивое место и думал, понравится ли ей. Возвращался домой и ещё до двери искал

её сердцебиение. Просыпался раньше и какое-то время просто смотрел, как она спит. Выезжая куда-то, ловил себя на мысли, что запоминаю вещи, которые потом хочу ей рассказать. Моя жизнь продолжала существовать отдельно от неё. Работа, вампиры, решения, обязанности. Только теперь всё в ней каким-то образом вело обратно к Саше.

— Знаешь, почему мне здесь нравится? — спросила она, не поднимая головы.

— Потому что ты сентиментальная.

Она тут же отстранилась и посмотрела на меня.

— Я не сентиментальная.

— Конечно.

Я рассмеялся и снова притянул её.

— Говори.

Она ещё пару секунд изображала оскорблённое достоинство, потом сдалась.

— Здесь ты другой. Не совсем другой, конечно, такой же невыносимый. Но здесь нет господина Арея, нет начальника, нет вампира, у которого вечно кто-то чего-то хочет, кому надо куда-то ехать, что-то решать, кого-то проверять. Здесь ты просто Реард. Тот самый, которого я встретила тогда.

— Тот самый Реард гонял тебя по лесу и собирался убить.

— Ага. Ужасный человек... вампир, — поправилась она с совершенно невинным лицом. — Да-да, я помню. Очень сомнительный был тип. Если бы у меня тогда было чуть больше здравого смысла, я бы держалась от тебя подальше.

Я убрал волосы с её плеч, провёл ладонью вдоль спины, ниже, крепко обхватил её за талию и притянул так, что между нами не осталось расстояния. Саша сразу подняла голову. Я наклонился, и она встретила меня сама. И каждый раз происходило одно и то же странное несоответствие между знанием и ощущением. Я знал её губы. Знал, как она приподнимется на носочках, как ладонь ляжет мне на шею, как пальцы пройдут в волосы. Знал, в какой момент её дыхание изменится и когда она отстранится, потому что человеку всё-таки нужен воздух. Знал всё. И ничего от этого не становилось слабее. Через несколько секунд она оторвалась от моих губ и вдохнула.

— Всё ещё не понимаешь, зачем мы сюда прилетаем? — тихо спросила она.

Я посмотрел на реку за её плечом. На три протоки, сосны, горы и снова на неё.

— Нет, — с улыбкой сказал я.

Саша прищурилась.

— Но в следующем августе прилечу опять.

— Даже не сомневалась.

Она снова прижалась ко мне и повернулась к воде. Я обхватил её сзади, ладонь легла на живот, а её пальцы привычно накрыли мои. И если бы меня в тот момент спросили, что изменилось за эти годы, я бы, наверное, ответил: почти ничего. Она всё ещё умела раздражать меня сильнее любого другого человека. Я всё ещё не понимал половины её чело-

веческих привычек. Она всё ещё считала необходимым вмешиваться туда, куда её никто не просил. А я всё ещё смотрел на неё так, будто однажды потерял и каким-то невозможным образом получил обратно.

Глава 1

Я сидела на кухне, поджав под себя одну ногу, второй лениво болтала над полом и уже минут десять пыталась понять, каким образом в таблице оказалось двадцать восемь беременных, если утром их было двадцать семь. Чай успел остыть. Я отпила его, поморщилась и снова уткнулась в планшет.

— Так. Ковалёва — восемнадцатая неделя, донорство приостановлено. Сафина — двадцать первая, рацион второй... Почему второй?

Я ткнула пальцем в строчку и нахмурилась.

— Кто тебе второй поставил, господи? Там третий должен быть.

Открыла карточку, исправила категорию питания и вернулась обратно. Репродуктивный сектор оказался удивительным местом. За последние пару лет я узнала о человеческом размножении гораздо больше, чем когда-либо собиралась. До захвата мира мне для счастливой жизни вполне хватало знания, откуда берутся дети и как сделать так, чтобы они оттуда случайно не взялись. Теперь я знала сроки

обследований, нормы прибавки веса, восстановительные периоды, категории рациона, допустимую рабочую нагрузку и ещё примерно сотню вещей, которыми раньше совершенно искренне не интересовалась.

Система интересовалась, у неё на всё были цифры. Сколько детей должно родиться в этом году. Сколько женщин репродуктивного возраста находилось в секторе. Сколько из них согласились войти в программу добровольно. Сколько беременностей наступило естественно, сколько закончилось неудачно. Сколько младенцев уже перевели из послеродового блока в детский. Будущее человечества существовало в виде таблицы с аккуратными колонками. Я прокрутила ниже.

Ага. Нашлась двадцать восьмая. Новая регистрация пришла в обед, пока я занималась другим делом. Я замерла. Потом очень медленно откинулась на спинку стула.

Другим делом. Ну да.

И как раз в этот момент во двор въехала машина. Я машинально повернула голову к окну. Ворота ещё закрывались, когда Реард вышел из-за руля и я невольно улыбнулась.

Вот ведь зараза. За столько времени можно было бы уже привыкнуть хотя бы к тому, как он выглядит. Видеть его каждый день, просыпаться рядом, встречать вечером, наблюдать его сонным, злым, голым, растрёпанным, после работы, после душа — казалось бы, в какой-то момент внешность должна перестать производить впечатление.

Ни хрена.

Он захлопнул дверь машины и пошёл к дому. Высокий, широкоплечий, в тёмных брюках и рубашке с закатанными до предплечий рукавами. Волосы стали чуть длиннее, чем он обычно носил раньше, и ветер успел растрепать их после того, как он вышел из машины. Лицо спокойное, собранное и непроницаемое.

Я перестала улыбаться. *Ой.* Я слишком хорошо знала это лицо. Реард открыл входную дверь. Через несколько секунд слышались шаги, и он появился в кухне. Посмотрел сначала на меня, потом на планшет, потом снова на меня.

— Саша. Опять?

Я медленно поставила чашку на стол.

Блядь. Интересно, кто меня сдал?

И, что гораздо важнее, что именно меня выдало на этот раз.

— Смотри что именно ты сейчас подразумеваешь под «опять», — осторожно сказала я. — Потому что в последнее время у меня довольно насыщенная жизнь, и хотелось бы сначала узнать формулировку обвинения.

Реард снял часы, положил их на край стола и посмотрел на меня тем самым взглядом, который означал, что моя попытка выиграть время замечена и успехом не увенчалась.

— Корпус четыре детского сектора. Сегодня после обеда. Я прикрыла глаза. Ааа. Вот оно что.

— Ну, вообще-то, если ты уже всё знаешь, то непонятно,

зачем устраивать допрос. Можно сразу перейти к той части, где ты рассказываешь, какой я безответственный человек и почему существующие правила придумали не просто так.

Реард отодвинул стул и сел напротив. На секунду закрыл глаза, потёр переносицу, и тут я окончательно поняла: ему сегодня действительно досталось. Не смертельно, конечно, ему вообще редко кто мог устроить настоящий разнос. Но достаточно, чтобы он приехал домой раздражённым из-за меня. Опять.

Я чуть виновато поджала губы.

— Хорошо, давай спокойно. Я провела её к ребёнку на двадцать минут. Да, без разрешения. Я знаю.

Он открыл глаза.

— На двадцать минут?

Я замолчала.

— Саша, два часа.

— Ну не два.

— Час пятьдесят три минуты.

— Ты засекал? — не удержалась я.

Он посмотрел на меня.

— Всё, молчу.

— Нет. Не молчи. Объясни мне, зачем было вообще оформлять ей посещение через служебный вход, если ты собиралась оставить её там на два часа?

— Потому что, если бы я провела её через обычный, её бы не пустили.

— Именно.

— Вот видишь, мы понимаем друг друга.

— Саша.

В голосе ничего не изменилось, но я прекрасно услышала предупреждение.

— Ладно. Хорошо.

Я убрала планшет в сторону и выпрямилась.

— У неё сыну четыре года. Она не видела его больше месяца, потому что сначала у него был карантин, потом её смены не совпадали с графиком посещений, потом встречу перенесли. Сегодня она узнала, что его переводят в другой корпус уже завтра. Следующее официальное посещение у неё через три недели. Она пришла ко мне и попросила дать ей увидеть ребёнка хотя бы ненадолго. Я дала.

— И прекрасно знаешь, что перевод ребёнка не является основанием для внеплановой встречи.

— Да я знаю.

— Тогда почему каждый раз мне приходится повторять тебе одно и то же?

Вот теперь я почувствовала, как внутри начинает медленно подниматься раздражение.

— Потому что каждый раз ситуация разная.

— Правило одно.

Реард чуть прищурился. Я уже открыла рот, он поднял руку.

— Даже не начинай.

— Я ещё ничего не сказала.

— Я знаю, что ты сейчас скажешь.

— Правда?

— Сейчас появится этот твой тон. Потом ты начнёшь рассказывать мне, что вампиры придумали идеальную систему, в которой почему-то забыли спросить людей, хотят ли они вообще так жить. Потом будет что-нибудь про таблицы, нормы и бесчувственных кровососов. И через пять минут мы снова окажемся в том же месте, где были в прошлый раз.

Я скрестила руки на груди.

— Очень удобно, когда ты заранее ведёшь обе стороны разговора. Может, мне вообще уйти, а ты сам с собой закончишь?

— Опять сарказм.

— А что мне остаётся?

— Разговаривать со мной нормально.

Я фыркнула.

— Реард, я с тобой нормально разговариваю.

— Нет. Ты начинаешь отшучиваться в ту секунду, когда понимаешь, что неправа.

Я замолчала, потому что он идеально попал. Некоторое время на кухне было слышно только тихое гудение холодильника. Я отвела взгляд.

— Я знаю, что нарушила.

— Тогда почему ты сейчас споришь?

— Потому что знать, что я нарушила ваше правило, и счи-

тать, что поступила неправильно — это вообще-то две разные вещи.

Рearд медленно выдохнул.

— Хорошо, тогда без сарказма. Объясни.

— Я уже объяснила.

— Нет. Ты рассказала историю женщины и ребёнка. Я спрашиваю тебя, почему ты решила, что можешь сама отменить правило, которое действует для всех.

Я посмотрела на него.

— Потому что передо мной сидела мать, Рearд.

— Я понимаю.

— Нет, не понимаешь.

Его лицо стало жёстче.

— Не говори мне, что я понимаю, а что нет.

Я осеклась. Теперь уже он был раздражён по-настоящему.

Рearд подался чуть вперёд и положил руки на стол.

— Я не пришёл домой объяснять тебе, что эта система добрая. Я никогда этого не говорил. Я не пришёл рассказывать, что женщине не больно, когда она месяц не видит своего ребёнка. Я прекрасно понимаю, что ей больно. Но если каждый сотрудник начнёт решать, какое правило сегодня можно нарушить, потому что ему стало кого-то жалко, через месяц никакой системы не останется вообще.

— А может, с ней тогда что-то не так?

— Может.

Я ожидала чего угодно, кроме этого, и уставилась на него.

— Что?

— Я сказал: может быть, с ней что-то не так. Это не меняет того, что она существует.

— Потрясающий аргумент.

— Саша.

Я зажмурилась.

— Всё. Извини. Без этого.

— Спасибо.

Я взяла чашку, вспомнила, что чай холодный, и поставила обратно.

— Просто меня это иногда достаёт. Я каждый день сижу там и вижу всё это изнутри. Женщины приходят регистрировать беременность, и первое, что они спрашивают, — когда у них перестанут брать кровь. Не когда будет первое обследование. Не всё ли нормально с ребёнком. Когда прекратят донорство. Другие добровольно идут на вторую беременность, потому что за это получают дополнительные встречи с первым ребёнком. И все вокруг делают вид, что это прекрасная рациональная система воспроизводства населения. Может, она действительно рациональная. Но иногда мне хочется взять вашу рациональность и засунуть вам всем куда-нибудь очень глубоко.

У Рееда едва заметно изменилось лицо.

— «Вам всем»?

— Не цепляйся.

— Я вампир. Ты только что предложила засунуть и мне.

— Тебе сделаю исключение.

— Очень великодушно.

Я улыбнулась. Уголки его губ тоже пошли вверх и напряжение чуть отпустило. Я поднялась, обошла стол и остановилась рядом с ним. Реард посмотрел снизу вверх.

— Я правда не хотела, чтобы тебе из-за меня опять прилетело.

— Но сделала именно то, после чего мне обязательно должны были выговорить.

Я положила ладони ему на плечи. Его руки сразу легли мне на бёдра и подтянули ближе, так что я оказалась между его коленями.

— Сильно ругали? — спросила я.

— Нет.

— Врёшь.

— Меня не ругают.

Я рассмеялась.

— Ну да, простите, господина Арея не ругают. Ему, вероятно, с уважением сообщают, что его женщина опять творит херню.

— Приблизительно так и было.

— И что ты сказал?

— Что разберусь.

Я наклонила голову.

— Разобрался?

Реард посмотрел на меня, потом его ладони скользнули

выше по талии.

— Нет.

— Вот видишь. Плохой из тебя начальник.

Я улыбнулась и провела пальцами по его волосам, убирая прядь со лба.

— Я постараюсь больше так не делать.

Он сразу посмотрел подозрительно.

— Ты сейчас даже сама себе не поверила.

— Ну хорошо. Я постараюсь хотя бы делать это реже.

— Саша.

— И лучше скрывать следы.

Он закрыл глаза и покачал головой. Я рассмеялась и обняла его за шею.

— Всё-всё, я поняла.

Его руки сомкнулись вокруг меня крепче.

— Именно это ты сказала в прошлый раз.

— Значит, я последовательная.

— Ты невыносима.

— Зато со мной не скучно.

Реард открыл глаза, от его взгляда, совершенно знакомого, привычного, виденного тысячи раз, у меня всё равно что-то тёплое шевельнулось внутри.

— Нет, — сказал он. — Не скучно.

А потом притянул меня ближе и уткнулся лицом мне в грудь. Вот так мы обычно и заканчивали наши великие идеологические споры. Никто никого не переубеждал. Я продол-

жала считать их систему бесчеловечной. Реард продолжал считать, что правила нельзя менять по настроению. Я ещё немного постояла между его коленями, перебирая пальцами волосы на затылке, потом всё-таки отстранилась.

— Всё, хватит с меня на сегодня воспитательной работы. Я ещё не закончила своё.

Реард посмотрел на планшет, который так и лежал на столе.

— Даже боюсь спрашивать, что там.

— На удивление ничего криминального. Я просто сверяю регистрации за месяц, потому что у нас сегодня внезапно появилась двадцать восьмая беременная, хотя утром их было двадцать семь, и я уже решила, что либо окончательно разучилась считать, либо кто-то опять внёс данные задним числом.

Я вернулась на своё место, подтянула планшет и открыла карточку. Реард расстегнул верхние пуговицы рубашки. Я покосилась на него поверх экрана. Вот это мне нравилось. Когда с этим обычным жестом постепенно исчезал господин Арей, который несколько минут назад сидел напротив и спокойно объяснял мне, почему я опять не имею права менять правила под настроение. Дома он всё равно оставался Реардом. Даже когда был недоволен мной.

— Нашла? — спросил он.

— Нашла. Новая регистрация пришла в половине второго. Естественная беременность, двадцать шесть лет, первая.

И я совершенно не помню эту женщину, хотя сегодня была на месте почти весь день.

— Почти?

Я подняла на него взгляд.

— Только не начинай.

Он усмехнулся. Я снова пролистнула карточку.

— Слушай, а у нас вообще в этом году число добровольных заявок упало или мне кажется? Именно на искусственное оплодотворение. Естественные понятно, там у людей всё происходит примерно так же, как происходило последние несколько тысяч лет, несмотря на все ваши попытки всё пронумеровать и внести в график.

Рейрд откинулся на спинку стула.

— Упало. Не критично, но ниже расчётного показателя. Поэтому с прошлого месяца увеличили поощрения для повторных программ.

— Я видела. Дополнительные посещения детей, облегчённый режим дольше, питание лучше. У нас вчера женщина пришла консультироваться по второй беременности, и первые десять минут спрашивала вообще не про беременность. Она пыталась понять, насколько чаще ей разрешат видеть дочь.

Он ничего не ответил сразу. Я положила планшет на стол.

— Вот скажи мне только нормально, без всей этой вашей вампирской арифметики. Вас самих это никогда не... — я искала слово. — Не коробит?

Реард посмотрел на меня.

— Что именно?

— Что женщина решает, рожать ей второго ребёнка или нет, исходя из того, дадут ли ей чаще видеть первого. Она сидит передо мной и буквально считает: если я соглашусь, то получу ещё две встречи в месяц. И всё это называется добровольной программой.

— Потому что формально она добровольная.

— Реард.

— Ты попросила ответить нормально, я отвечаю. Её никто не заставляет.

— И ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду.

— Понимаю.

Он сказал это спокойно, без привычного желания немедленно объяснить мне, почему система всё равно необходима. Я чуть прищурилась.

— И?

— И мне это не нравится.

Я даже планшет опустила.

— Подожди. Повтори, пожалуйста, я сейчас запишу.

— Вот поэтому я иногда предпочитаю тебе ничего не говорить.

— Ты только что добровольно признал, что в вашей великолепной системе что-то тебе не нравится. Это исторический момент.

— Саша, я никогда не говорил, что мне нравится всё, что

в ней происходит.

— Нет, ты просто каждый раз находишь пятнадцать причин, почему без этого всё развалится.

— Потому что чаще всего так и есть.

Я встала, дошла до холодильника достала себе еду и разогрела в микроволновке. Реард остался за столом. Он вообще часто так делал — просто сидел рядом, пока я ужинала, хотя ему самому от человеческой еды не было никакого толка. Когда-то мне это казалось странным. Теперь я даже не замечала. Я поставила тарелку перед собой, села и включила планшет. Реард протянул руку и забрал устройство.

— Эй.

— Ешь.

— Я ем.

Я потянулась за планшетом, но он положил его чуть дальше от меня. Я посмотрела на него, потом всё-таки вернулась к ужину.

— Через неделю полетишь со мной в Улан-Удэ? — спросил Реард спустя время.

Я подняла глаза.

— Зачем?

— Я буду там неделю.

— Это я поняла. Я спрашиваю, зачем туда лечу я.

Он посмотрел на меня так, будто ответ был очевиден.

— Со мной.

Я улыбнулась.

— Очень исчерпывающее служебное обоснование. Так и запишем: «Александра Николаевна Лёвушкина направлена в другой регион по причине того, что господину Арею не хочется лететь одному».

— Не хочу без тебя проводить неделю.

Вот ведь знал, зараза, что после таких фраз у меня обычно за секунды заканчиваются все заготовленные издевательства. Я опустила взгляд в тарелку.

— Это уже звучит чуть убедительнее.

— Хорошо. Тогда полетишь?

— А мне там делать что-нибудь дадут или я буду семь дней сидеть в комнате и ждать, когда великий проверяющий закончит наводить ужас на местную администрацию?

— У них большой репродуктивный сектор. Можешь заранее оформить командировку по своей линии. Посмотришь, как они ведут программы, сравнишь показатели, если тебе обязательно нужна официальная причина.

— То есть официальную причину ты придумал уже после того, как решил меня взять.

— Да.

Я рассмеялась.

— Мне нравится твоя честность. Обычно люди хотя бы пытаются сделать вид, что всё наоборот.

— Зачем?

— Затем, что не все готовы признаться: «Я просто хочу, чтобы моя женщина неделю находилась в пределах досягае-

МОСТИ».

— Я готов.

Я посмотрела на него. Реард совершенно спокойно выдержал мой взгляд. Просто готов.

— Хорошо, — сказала я. — Полечу. Тем более я никогда нормально Улан-Удэ не видела. Правда, с твоей способностью превращать любую поездку в совещание длиной в сутки я уже заранее подозреваю, что самым интересным местом окажется коридор между жилым блоком и вашим управлением.

— Я постараюсь не задерживаться.

— О да, проходили, знаем.

— Правда.

Я прищурилась.

— Ладно, уговорил.

— Я хочу, чтобы ты полетела.

— Я уже согласилась.

Он протянул руку под столом и положил ладонь мне на колено.

— Знаю, я рассчитывал на это.

Я посмотрела на его руку. Потом на него.

— Самоуверенный вампир.

Я накрыла его ладонь своей и снова взялась за вилку.

— Я в душ, — сказал он спустя время.

Он вышел и через несколько секунд закрылась дверь ванной, а я доела ужин, собрала со стола и снова посмотрела на

оставленный планшет.

Двадцать восемь беременностей. Цифра как цифра. В следующем месяце будет тридцать две, потом двадцать пять, потом сорок. Где-то в соседней таблице уже посчитано, сколько из этих детей должны родиться здоровыми, сколько женщин вернутся к работе через положенный срок, сколько новых мест понадобится в ясельных корпусах и сколько доноров система получит через восемнадцать лет.

Я ненавидела эту систему. Наверное, уже не так яростно, как несколько лет назад. Ненависть вообще плохо умеет жить в чистом виде долго. В неё постепенно примешивается привычка, понимание, иногда — самое неприятное — признание того, что кое в чём всё действительно работает. Работало, зараза, почти всё. Люди больше не умирали тысячами от голода и вируса. Никто не бегал по лесам с ножом за банкой тушёнки. Работали электростанции. На действующие базы вовремя приходили продукты, лекарства, одежда. Где-то добывали нефть, где-то её перерабатывали, производили топливо, обслуживали железную дорогу, ремонтировали машины и вертолёты. Больных лечили, детей кормили, учили, прививали, осматривали. Беременных освобождали от донорства, переводили на лёгкую работу, давали нормальное питание. Мир снова функционировал. Просто души в нём не было ни черта.

Никто наверху не спрашивал, хорошо ли женщине отдавать ребёнка через несколько дней после родов. Никого не

интересовало, хочет ли мужчина работать именно там, куда его распределили, скучает ли мать по сыну или что чувствует ребёнок, которому объясняют, что маму он увидит через три недели, потому что именно такое число стоит напротив его фамилии. Система не была злой. Наверное, это и бесило сильнее всего. Злого можно было ненавидеть, обвинять, с ним можно было бороться. А этой было всё равно, она просто считала.

Первые месяцы, когда я начала действительно в это вникать, меня выворачивало. И хуже всего оказалось даже не то, что я видела вокруг. Я не могла отделить от этого Реарда. Сейчас сама мысль казалась уже нелепой. Я знала его слишком хорошо. Знала, что он сделает, когда я заболею, как будет сидеть рядом, пока не убедится, что всё прошло. Знала, как он ищет меня рукой во сне, если я встаю раньше. Как ненавидит мои нарушения правил и потом всё равно идёт разбираться с последствиями. Как раздражается, когда я лезу туда, куда не надо, и первым лезет следом. Но тогда всё было иначе. Я только начинала понимать, насколько глубоко он был частью этого мира. Не жертвой обстоятельств. Не тайным революционером, который просто ждал появления прекрасной человеческой женщины, чтобы немедленно осознать всю порочность вампирского общества. Его этот порядок в целом устраивал. Он понимал его и считал необходимым. Защищал. И однажды меня прорвало.

Я уже не помнила, из-за чего именно мы тогда поссори-

лись. Кажется, речь шла о переводе какой-то семьи между секторами. А может, о донорском графике. За эти годы поводов хватало. Помнила только, как стояла напротив него и в какой-то момент выпалила, что он ничем от них не отличается. От всех и от этой системы в том числе. Реард тогда долго на меня смотрел.

— Не делай этого, Саша.

— Чего?

— Не ставь меня рядом со всем, что ты ненавидишь только потому, что я не согласен с тобой.

Я тогда, конечно, уже слишком завелась, чтобы остановиться.

— А куда мне тебя ставить, Реард? Ты сам только что полчаса объяснял мне, почему всё это правильно.

— Я объяснял, почему это существует.

— Какая огромная разница.

Он подошёл ко мне. Помню, я даже очень демонстративно отвернулась. С тем детским желанием показать ему, насколько сильно он меня сейчас достал.

Реард встал напротив так, что отвернуться второй раз означало бы уже практически начать ходить вокруг стола.

— Посмотри на меня.

— Я прекрасно тебя вижу.

— Саша.

Я всё-таки посмотрела. И вот тогда он сказал то, что осталось со мной гораздо лучше всех наших бесконечных спо-

ров.

— Я родился вампиром и прожил в этом мире намного дольше, чем ты вообще существуешь. Я не могу взять сто восемьдесят лет своей жизни и решить, что всё, что я знал до встречи с тобой, было неправильным только потому, что тебе больно это видеть.

Я уже открыла рот, но он не дал мне заговорить.

— Дослушай. Ты хочешь, чтобы я посмотрел на всё твоими глазами. Иногда я смотрю и намного чаще, чем ты думаешь. Есть вещи, которые теперь кажутся мне другими только потому, что однажды ты спросила меня, почему мы делаем именно так, а я впервые понял, что никогда даже не задавал себе этого вопроса. Но я не стану человеком, Саша. Ни в мыслях, ни в поступках. Я не могу им стать.

Я тогда смотрела на него и уже понимала, что злость куда-то уходит, хотя очень не хотелось позволять ей уходить. Рюард подошёл ещё ближе.

— Но и ты не смей делать из меня систему.

Я нахмурилась. Он взял меня за подбородок, заставляя смотреть прямо на него.

— Система не любит тебя. Я — люблю.

И я замолчала, потому что, блин, спорить после этого было совершенно нечестно. Он это прекрасно видел.

— Система решает, что правильно для всех. Я каждый день решаю, что правильно для тебя, для меня и для нас. Иногда эти решения совпадают. Иногда нет. Ты сама пре-

красно знаешь, сколько раз я уже сделал то, чего делать не должен был.

Тогда мне стало совсем нечего сказать. Он провёл большим пальцем по моей щеке и уже тише добавил:

— Я хочу, чтобы ты поняла одну вещь. Ты можешь ненавидеть порядок, в котором живёшь. Можешь спорить со мной из-за него сколько угодно. Скорее всего, будешь делать это до конца своей жизни.

— Очень оптимистично.

— Я реалист.

— Зануда ты.

— Возможно. Но когда ты смотришь на меня и видишь только одного из них, ты ошибаешься.

Он на секунду замолчал, а потом сказал совсем просто:

— Не путай то, чему я подчиняюсь, с тем, что я выбираю. Я выбрал тебя.

Тогда я окончательно заткнулась и, наверное, именно поэтому помнила этот разговор до сих пор.

Вода зашумела сильнее, выдёргивая меня из воспоминаний. Я посмотрела на дверь ванны и улыбнулась. Несговорчивый, высокомерный, до невозможности рациональный вампир, который мог полчаса доказывать мне необходимость какого-нибудь совершенно людоедского регламента, а потом лично нарушить три других, если хоть один из них угрожал мне.

С тех пор я научилась отделять одно от другого. Иногда

меня всё же заносило, и тогда Реард напоминал. Наверное, это и было максимумом, которого можно было добиться, если однажды совершенно случайно влюбиться в представителя вида, захватившего твою планету.

Я поднялась, поставила тарелку в мойку и снова посмотрела на планшет.

Двадцать восемь беременностей. Мой взгляд задержался на графе «детский сектор», вспоминая женщину и в груди неприятно кольнуло. В ванной выключилась вода. Я бросила планшет на стол и пошла в комнату. С системой я могла разбираться завтра. Сегодня дома был Реард.

Глава 2

Утром Реард уехал раньше меня. Я поняла это ещё до того, как окончательно проснулась: рядом никого не было, а из дома не доносилось ни единого звука. Потом вспомнила, что сегодня у него какое-то совещание, которое, по его словам, должно было закончиться быстро, а значит, скорее всего, растянется до обеда.

Через сорок минут, уже окончательно проснувшись, я вышла из дома, закинула сумку с планшетом на пассажирское сиденье и села за руль. Машина была моей, но в нынешнем мире слово «моя» вообще стало довольно условным. В документах она числилась за медицинским сектором, топливо выдавалось по служебному лимиту, техническое обслужива-

ние проходило там же, но последние два года на ней никто, кроме меня, не ездил.

Я завела двигатель, дождалась, пока ворота откроются, и выехала из посёлка. За прошедшие годы город изменился. Сначала вампиры пытались поддерживать слишком много, потом начали считать. И когда они начинали считать, у всего лишнего обычно быстро заканчивались шансы на существование. Людей переселяли ближе к рабочим и донорским секторам. Отдельные районы закрывали. Отопление отключали сначала в нескольких домах, потом во всём квартале. Что-то разбирали на материалы, что-то оставляли как есть, и постепенно бывший человеческий город сжимался вокруг нескольких живых узлов.

По основной дороге всё выглядело как раньше. Асфальт ремонтировали, зимой снег чистили, светофоры работали. У погрузочной площадки разгружали ящики с одеждой. Чуть дальше двое мужчин катили тележку с продуктами в сторону распределительного пункта. Всё вовремя и по графику. По встречной полосе прошёл тяжёлый грузовик, следом за ним — автобус с людьми на утреннюю смену. Чуть дальше стояла цистерна, ожидая разрешения на въезд в промышленный сектор. Если смотреть только сюда, можно было поверить, что мир просто стал немного тише. Стоило свернуть на две улицы в сторону — и начиналось другое. Тёмные окна, трава в трещинах асфальта, выцветшие вывески магазинов, которые никто не стал снимать. Детская площадка между двумя

пустыми домами, заросшая по пояс. За пять лет я привыкла и к этому. Наверное.

На первом контрольном пункте загорелся зелёный сигнал, система считала пропуск с машины, и шлагбаум поднялся. Я уже собиралась проехать, когда какое-то движение справа заставило меня повернуть голову. За металлическим ограждением стоял морт — один, хотя раньше на этом посту их было четыре. Выглядел он хуже тех, которых я помнила в начале. Тело усохло сильнее, плечи остро выступали под серой кожей, голова была опущена вперёд. Одна рука не двигалась, пальцы другой время от времени судорожно сгибались.

Машина впереди остановилась у шлагбаума. Водитель протянул пропуск через открытое окно, и морт вдруг всем телом дёрнулся в его сторону. Человек мгновенно отдёрнул руку.

Вампир у поста гортанно произнёс команду. Морт застыл, но не сразу. На какую-то долю секунды позже, чем должен был. Я тоже замерла, глядя на него. Потом существо медленно опустило голову, шлагбаум перед ним поднялся, и машина проехала вперед, следом тронулась я.

Несколько месяцев назад я уже спрашивала Рearда о слухах. Говорили о них мало и вполголоса: в нашем прекрасно организованном новом мире не особенно любили непроверенную информацию, особенно если из неё следовало, что организовано в нём далеко не всё. Но люди всё равно разговаривали. Где-то морт бросился на рабочего раньше прика-

за, на другой базе двоих пришлось уничтожить, в промышленном секторе погиб человек. Официально — нарушение техники безопасности. Неофициально — морт не остановился по команде.

Я тогда дождалась Рearда дома и спросила прямо.

— Что происходит с мортами?

— Их численность сокращается, — нехотя ответил он.

— Это я и сама вижу. Почему?

— Физиологическая деградация. Их организм оказался менее устойчивым, чем предполагалось.

Выяснилось, что фильмы нам нагло ввали. Нельзя взять человеческое тело, превратить его в нечто, очень похожее на зомби, а потом рассчитывать, что оно десятилетиями будет шататься по территории, жрать мясо и исправно выполнять команды. Суставы изнашивались, мышцы разрушались, органы постепенно отказывали. Вирус позволял мортам существовать гораздо дольше, чем когда-то считалось возможным, но бессмертными их не сделал.

— А нападения?

Рearд замолчал буквально на секунду.

— Какие нападения?

— Вот только не надо. Я живу не в звуконепроницаемой коробке. Люди говорят.

— Люди всегда говорят.

— Рearд.

Он посмотрел на меня и всё-таки ответил:

— Подтверждённых случаев потери контроля нет.

После этого ответа я окончательно поняла, что случаи были. Просто подтверждать их никто особенно не торопился.

Я свернула к медицинскому сектору. Впереди уже виднелись корпуса. Здесь город становился плотнее и живее. Я припарковалась возле своего корпуса, заглушила двигатель и на секунду осталась сидеть. Рабочий день начинался через семь минут, а у меня сегодня было три первичных регистрации, два продления восстановительного периода и одна женщина, которая уже третий раз подавала заявление на участие в репродуктивной программе. С последней мне особенно не хотелось встречаться. У неё уже было двое детей. И обоих она видела реже, чем я Реарда в самый загруженный месяц. Я захлопнула дверь машины и пошла к корпусу.

В репродуктивном секторе уже сидела очередь. Я на ходу сняла кофту, сунула её в шкаф и прошла к своему месту. Мы сидели в одном большом помещении: несколько столов, терминалы, две стойки для приёма. Моё место было у окна, третье от двери. По документам, конечно, никакого «моего» места не существовало, но за несколько лет люди удивительным образом способны приватизировать даже одинаковый казённый стул.

До обеда ничего особенно интересного не происходило. Беременности регистрировались, сроки сверялись, анализы терялись и находились, кто-то пытался доказать, что пропустил обследование по уважительной причине, кто-то уже в

третий раз приходил уточнить, когда именно после родов вернут прежний рацион. Обычный день.

Ближе к двенадцати напротив меня села молодая женщина. На вид здоровая, ухоженная, спокойная, она устроилась удобно, положила руки на стол и внимательно посмотрела на меня.

— Первый раз участвуете в программе?

— Да. Раньше не хотела.

— Сейчас передумали?

— Да.

Я просмотрела обследования.

— По здоровью предварительно всё нормально. Дополнительные анализы назначат после осмотра врача. Если противопоказаний не будет, сможете подать окончательное согласие, после этого вам подберут материал и поставят в очередь. Срок ожидания сейчас небольшой.

— А льготы начинаются сразу?

Я подняла взгляд.

— После подтверждённой беременности.

— Донорство полностью снимают?

— На время беременности и восстановительного периода

— да.

Она кивнула, будто именно это и хотела услышать. Я продолжила объяснять условия, а она слушала внимательно, иногда задавала вполне нормальные вопросы. Про работу, рацион, восстановление, обследования. Потом спросила:

— А ребёнка когда забирают?

— После выписки матери из послеродового сектора. Первое время он будет в младенческом корпусе. Все данные и график посещений вам выдадут отдельно.

— Часто видеть можно?

— По установленному графику.

Она задумчиво покивала.

— Понятно.

Я уже собиралась перейти к следующему разделу, когда она вдруг сказала:

— А можно вас кое о чём спросить? Не по программе.

Я посмотрела на неё.

— Можно спросить, но не обещаю, что отвечу.

Она улыбнулась как-то слишком уж понимающе.

— Про вас многое говорят.

Ну, конечно.

— Интересно.

Коллега за соседним столом чуть повернула голову, но продолжила работать. Девушка улыбнулась шире.

— Говорят, вы живёте не в жилом секторе, а в доме за городом.

— И?

— И что живёте там с вампиром.

Я спокойно положила стилус на стол.

— С чего вы это взяли?

— Ну... слухи же не просто так ходят.

— Правда? А я всегда думала, именно так они обычно и ходят.

Она слегка усмехнулась.

— Но вы же действительно живёте за городом.

— Действительно.

— И условия у вас другие.

— Какие?

Вот теперь она поняла, что разговор пошёл немного не туда, куда рассчитывала, но отступать не стала.

— Ну, жильё. Машина. Говорят, у вас с донорством тоже по-другому.

— С чего вы взяли, что я вообще не сдаю кровь?

Она замялась на секунду.

— Я не говорила, что совсем не сдаёте.

— Только что именно это и подразумевали.

— Я просто спросила.

— Нет. Вы сначала сообщили мне, с кем я живу, потом — как устроено моё донорство, а теперь почему-то решили, что это вопрос.

Коллега за соседним столом очень старательно смотрела в монитор. Женщина чуть прищурилась, но не смутилась. Даже наоборот.

— Хорошо. Тогда спрошу прямо. Это правда, что, если вампир выбирает человека, тому могут изменить условия?

— А с чего вы решили, что такие отношения возможны?

Теперь она откровенно улыбнулась.

— Ну у вас же возможны.

Я тоже улыбнулась.

— Вы опять выдаёте слух за факт.

— Но вы и не говорите, что это неправда.

— А я должна?

Она несколько секунд смотрела на меня.

— Нет.

— Прекрасно. Тогда мы наконец в чём-то согласны.

Я потянулась за стилусом, но она ещё не закончила.

— Я просто думала... мало ли. Может, вы могли бы с кем-нибудь познакомить.

Я откинулась на спинку стула.

— Вас?

— Ну да.

— С вампиром?

— А что такого?

И ведь сказала совершенно спокойно. Я посмотрела на неё внимательнее. Она прекрасно понимала, что предлагает, и чего именно надеется этим добиться.

— Ничего, — сказала я. — Просто пытаюсь понять, в какой момент в мои должностные обязанности добавили подбор вампиров для улучшения жилищных условий.

Её лицо сразу изменилось.

— Я не из-за жилья.

— Конечно.

— А вам, значит, можно? — елейность исчезла из голоса.

— Что именно мне можно?

— Жить отдельно, ездить на машине. Не стоять в очередях за половиной того, за чем стоят остальные. И при этом сидеть здесь и рассказывать нам про правила.

Я почувствовала, как внутри неприятно дёрнулось.

— Вы сюда пришли о моей жизни поговорить?

— Я пришла в программу.

— Вот ей и займёмся.

— Я просто спросила.

— И я вам ответила. У меня нет каталога свободных вампиров. Нет контактов службы «вампир на дом». И я не могу выдать вам одного вместе с улучшенным рационом, машиной и загородной недвижимостью. Если всё это было скрытой частью вашей репродуктивной стратегии, боюсь, придёт-ся придумать другую.

Женщина напротив побледнела от злости.

— Вы прекрасно поняли, что я имела в виду.

— Прекрасно. Именно поэтому предлагаю закончить эту тему.

Я повернула к ней экран.

— Теперь ещё раз. Вы пришли добровольно. Все условия программы вам объяснены...

Я еще раз прошла по списку правил.

— Продолжаем оформление или нет?

Она смотрела на меня ещё несколько секунд.

— Продолжаем.

Я снова взяла стилус. Остаток разговора прошёл совершенно нормально. И это раздражало больше всего. Ещё десять минут назад она открыто пыталась выяснить, не существует ли способа пристроиться к вампиру и получить вместе с ним другой уровень жизни, а теперь спокойно отвечала на вопросы о хронических заболеваниях.

Когда она ушла, я ещё некоторое время смотрела на закрывшуюся дверь. Коллега первой нарушила молчание:

— «Вампир на дом»?

Я повернулась к ней.

— Даже не начинай.

— Я просто уточняю, вдруг у тебя всё-таки есть номер. Мне не вампир нужен, я бы от машины не отказалась.

Я посмотрела на неё, выдержала секунды две и прыснула от смеха.

— Иди нахрен.

— Всё, молчу.

Она вернулась к своей карточке, а я открыла следующую. Улыбка ушла быстро. Такие разговоры случались не каждый день, но достаточно часто, чтобы я давно перестала удивляться. Большинство людей ничего не спрашивали в лицо. Просто знали, что я живу не там, где остальные. Что утром приезжаю сама. Что некоторые двери открываются для меня легче, чем должны открываться для обычного сотрудника. Дальше начинались версии. Кто именно обеспечил мне эти условия, обычно тоже знали все, кроме меня. По край-

ней мере официально.

Я никогда не подтверждала слухи о Реарде. Да и объяснять людям, что я живу с вампиром не для улучшения жилищных условий, мне тоже не хотелось. Кому-то было проще считать именно так. Некоторые смотрели с любопытством, другие — с завистью. Были те, кто пытался осторожно выяснить, нельзя ли повторить мой предполагаемый успех. А были те, кто не спрашивал вообще. Я знала и другое слово. Услышала его первый раз около года назад в коридоре, когда две женщины не заметили, что я стою за поворотом.

Вампирская шлюха.

Тогда я почему-то остановилась, сейчас, наверное, прошла бы мимо. Но иногда всё равно хотелось поймать очередного особенно осведомлённого человека за рукав и сказать: вы вообще ни хрена не знаете. Потом я решила, что объяснять каждому встречному, кто такой Реард для меня, — занятие настолько унижительное, что проще действительно послать всех нахер. Пусть думают. Люди всегда любили простые объяснения. Если женщина живёт лучше остальных, значит, обязательно потому, что правильно раздвинула ноги. Гораздо сложнее было представить, что однажды вампир полез за ней в горящий сектор, а потом несколько лет методично разрушал собственную спокойную жизнь просто потому, что не сумел от неё отказаться. И уж точно никто из них не знал, чего стоило Реарду само моё существование рядом с ним.

К концу дня я всё-таки отправила заявление на временный перевод. Долго над ним не сидела. Улан-Удэ, семь дней, репродуктивный сектор, ознакомление с организацией работы и новой системой учёта. Последний пункт я переписала дословно из запроса, который появился у меня в терминале после обеда. Инициатор: господин Арей.

Я посмотрела на строчку и усмехнулась. «Не хочу без тебя проводить неделю» в официальной системе почему-то выглядело значительно скучнее. Заявление ушло на подтверждение, а минут через двадцать мне пришло сообщение, что нужно подойти в административный блок. Вот тут я напряглась.

За длинной стойкой сидела высокая светловолосая вампириша с совершенно спокойным лицом. Людей в административном секторе почти не было. Собственно, именно поэтому я до сих пор не понимала, зачем понадобилось тащить сюда меня. Заявление я отправила через терминал, мой сектор его подтвердил, запрос на временную работу в Улан-Удэ уже был прикреплён. Всё остальное обычно происходило без моего личного участия. Я подошла к стойке и приложила пропуск. Вампириша посмотрела на экран, потом на меня.

— Лёвушкина.

Она произнесла фамилию медленно, словно примеряя её к тому, что видела перед собой.

— Да.

Её взгляд снова опустился к терминалу. Я ждала. Она ни-

чего не спрашивала. Не уточняла сроки, не просила подтверждений, вообще не делала ничего из того, ради чего человека обычно вызывают в административный сектор. Через минуту я начала нервничать.

Сердце предательски ускорилося, и она тут же подняла глаза. Вот тогда я окончательно вспомнила, с кем разговариваю, от этого стало особенно неприятно. Не страшно — я слишком давно жила среди вампиров, чтобы шарахаться от каждого взгляда. Но древняя человеческая часть мозга всё равно исправно сообщала, что напротив меня сидит хищник, который только что заметил мой страх.

Я выпрямилась.

— Возникли проблемы с оформлением?

— Нет.

Она снова посмотрела в терминал.

— Ваше перемещение подтверждено.

Я подождала продолжения. Его не было.

— Тогда зачем меня вызвали?

Теперь она посмотрела уже прямо на меня и несколько секунд просто разглядывала. Потом её взгляд снова скользнул по экрану.

— Запрос подал господин Арей.

Понятно. Я чуть не рассмеялась. Так вот зачем я сюда пришла. Посмотреть. Я знала, что слухи ходят среди людей. Было бы довольно наивно предполагать, что вампиры живут в каком-то удивительном мире без сплетен. Просто у них

смысл этих сплетен был немного другой. Люди гадали, какие привилегии я получаю, потому что якобы сплю с вампиром. Вампиров, подозреваю, значительно больше интересовало, какого чёрта вообще Арей связался с человеком. Я спокойно встретила её взгляд.

— Тогда, если с моим перемещением всё в порядке, я вернусь на работу.

— Свободны, Лёвушкина.

Наконец-то знакомая интонация. У двери меня всё-таки дёрнуло обернуться. Вампириша смотрела в терминал, будто я перестала существовать в ту же секунду, когда вышла из зоны её любопытства. Я толкнула дверь и вышла в коридор. Получается, сходила показать себя? Можно было поставить галочку напротив очередного местного слуха: человеческая женщина Арея существует. Что именно они теперь будут с этой информацией делать, меня совершенно не интересовало. Главное — разрешение было получено.

Глава 3

Я застегнула сумку, поставила её возле двери и в последний раз посмотрела на себя в зеркало. За окнами едва начинало светать. Было то неприятное раннее утро, когда организм ещё искренне уверен, что ночь продолжается, а ты зачем-то уже оделась, собрала вещи и собираешься куда-то. Репард, разумеется, давно был готов. Он вообще обладал ка-

ким-то издевательским талантом просыпаться в любое время суток сразу полностью функционирующим. Пока я минут десять ходила по дому с выражением человека, которого насильно вернули к жизни, он уже успел проверить вещи, маршрут, сообщения и, подозреваю, мысленно добраться до Улан-Удэ раньше вертолѐта.

Я поправила волосы, посмотрела на себя ещё раз и вдруг сказала:

— Блин. Может, я не полечу?

Реард, стоявший возле двери, поднял голову. Через секунду подошёл и остановился рядом со мной перед зеркалом.

— Почему?

Я пожала плечами.

— Не знаю. Как-то мне... не нравится.

Он посмотрел уже не на отражение, а на меня.

— Что именно?

— Да вот в том-то и дело, что ничего. Всё нормально. Поездка нормальная, ты рядом, через неделю вернёмся. Никаких причин нет. Просто с самого утра какое-то мерзкое ощущение, будто мне туда не надо.

Я нахмурилась, сама раздражаясь от собственной неспособности объяснить.

— Интуиция, короче.

Реард чуть улыбнулся.

— Ты уже говорила это однажды.

Я повернула к нему голову.

— Вот именно. И чем тогда всё закончилось?

Улыбка стала шире.

— Аргумент.

— Спасибо. Очень приятно, что спустя столько лет ты наконец начал уважать мои сверхъестественные способности.

Он положил руки мне на талию и развернул к себе.

— Ты действительно не хочешь лететь?

Я посмотрела на него. Вот же зараза. Ни одного «не выдумывай», ни одного «мы уже всё оформили». Просто смотрит и ждёт моего решения. Но по тому, как лежали его руки у меня на талии, по самому этому вопросу было очевидно: ему очень не хотелось услышать «не полечу».

— Не знаю, — я вздохнула. — Возможно, мой организм таким образом протестует против подъёма в пять утра. К тому же есть положительная сторона.

— Какая?

— Если я останусь дома, в вашем кровососском обществе хотя бы на неделю станет меньше поводов для сплетен.

Рearд нахмурился.

— Каких ещё сплетен?

Я посмотрела на него.

— Ой, только не делай такое лицо. Ты прекрасно знаешь, что они есть.

— Какие?

— Да обычные. Человеческие хотя бы понятные: кому я там что отсосала за отдельный дом, машину и прекрасную

жизнь при вампирском режиме. Но я, если честно, как-то не рассчитывала, что ещё и ваши будут специально вызывать меня посмотреть вживую.

Его лицо немного изменилось, но я сразу поняла, что шутки закончились.

— Кто тебя вызывал?

— Ой, пожалуйста, Реард не начинай.

— Саша.

— Вампирша из административного, имени я не знаю. И ничего она мне не сделала, прежде чем ты сейчас куда-нибудь пойдёшь разбираться. Просто вызвала по поводу перемещения, посмотрела, убедилась, что твоя таинственная человеческая особа действительно существует, — я ответила с усмешкой.

Реард молчал.

— И не надо смотреть так, — добавила я. — Я пережила.

— Почему ты мне не сказала?

— Потому что рассказывать тебе каждый раз, когда кто-то косо на меня посмотрел значит превратить наши вечера в ежедневную сводку общественного мнения. Мне тридцать с лишним лет, Реард. Я умею переживать чужие взгляды.

— Она что-нибудь сказала?

— Почти ничего. В этом и был весь смысл, ей просто было интересно посмотреть, кого господин Арей опять тащит с собой в поездку.

Он отвёл взгляд на секунду. Я уже знала это выражение.

— Нет.

— Что — нет?

— Твоё лицо сейчас говорит, что начнёшь выяснять кто она.

Он снова посмотрел на меня.

— Мне не нравится, когда тебя вызывают без причины.

— А мне не нравится, когда из меня делают экспонат. Видишь, опять у нас удивительно совпали мнения.

— Ты защищаешь её?

— Я просто не хочу, чтобы завтра по базе пошёл новый слух: Лёвушкина пожаловалась Арею, и вампиршу из администрации нашли прибитой к стене.

— Я никого не собираюсь прибивать к стене.

— Знаю, но ты сделаешь всё гораздо цивилизованнее, и именно поэтому мне страшнее.

Он всё-таки усмехнулся. Я ткнула его пальцем в грудь.

— Вот. Уже лучше.

Реард провёл ладонями по моей спине и притянул ближе.

— Так что? — спросил он. — Ты остаёшься?

Я прислонилась лбом к его груди. Если бы он сейчас сказал: «Оставайся», наверное, я бы осталась. Если бы начал убеждать, что никакой интуиции не существует, из принципа полетела бы. Но он просто ждал, а я, как назло, представила этот дом вечером, на следующий день и целую неделю без него.

— Нет, — пробормотала я. — Полечу.

Его руки сразу сжались чуть крепче. Я подняла голову.

— Только потом не говори, что я тебя не предупреждала.

Если нам там на голову упадёт самолёт, начнётся война, эпидемия или ещё какая-нибудь жопа, я всю оставшуюся жизнь буду повторять: «А я говорила».

— Сколько именно?

— Пока тебе не надоест. Ты же сам хотел, чтобы я с тобой полетела.

— Хотел.

Он сказал это сразу. Без улыбки. И опять каким-то совершенно нечестным образом выбил из меня следующую шутку.

— Вот поэтому и лечу, — сказала я тише.

Реард посмотрел мне в глаза, провёл ладонью по затылку и поцеловал. Не коротко, между делом, а так, что через несколько секунд мне пришлось вцепиться пальцами в его рубашку и вообще перестать думать о вампиршах, предчувствиях и том, который сейчас час. Когда он наконец отстранился, я ещё пару секунд смотрела на него.

— Это была манипуляция.

— Да.

— Бессовестный, даже отрицать не будешь?

— Ты передумала?

Я подумала.

— Нет.

— Значит, сработало.

Я закатила глаза, забрала сумку и пошла к двери. Машина стояла у дома, стекло блестело от утренней влаги, над лесом только начинала появляться светлая полоска. Я села в машину. И мы поехали на вертолётную площадку.

Город в такую рань ещё спал. На дорогах было пусто, автобусы первых смен только начинали выходить из парков, окна жилых корпусов в большинстве оставались тёмными. Светофоры исправно переключались для практически отсутствующих машин, вдоль ограждения одного из складских секторов прошёл патруль мортов, ещё несколько рвано двигались между зданиями дальше, в темноте.

Я смотрела в окно, окончательно просыпаясь уже по дороге. Чем ближе мы подъезжали к административному центру, тем больше вокруг становилось света. Огромное стеклянное здание возникло впереди знакомой тёмной громадой, отражая начинающее светлеть небо. Рядом располагалась вертолётная площадка, чуть дальше — ангары с техникой. Здесь день уже начался. У одного из вертолётов работали техники, возле открытого ангара стояли несколько машин, кто-то перекатывал контейнеры к площадке. Рееард свернул к стоянке и заглушил двигатель.

Я выбралась наружу, поправила сумку на плече и сразу увидела Сарвина. Его трудно было не увидеть. Каждый раз, встречая его после долгого перерыва, я успевала забыть, насколько он огромный. Даже рядом с Рееардом он казался огромным — неправдоподобно широким и тяжёлым да-

же по вампирским меркам. Со стороны Сарвин производил впечатление существа, которому для решения большинства жизненных проблем достаточно встать и медленно пойти в твою сторону. Это продолжалось ровно до первого раза, когда слышишь, как он смеётся. Ржал Сарвин действительно как лошадь. Сейчас, правда, ему было не до смеха. Он стоял возле второго вертолётa, разговаривая с одним из техников, и повернул голову ещё до того, как мы успели к нему приблизиться.

— Здорово, дружище.

Рearд коротко кивнул.

— Не ожидал тебя здесь увидеть. Ты только вернулся?

— Нет, наоборот улетаю, на железке опять встала северная ветка. Один узел не принимает грузы, второй уверяет, что у них всё прекрасно, а у меня третий день два состава стоят неизвестно где. Поеду выяснять, кто из них врёт.

— Ставлю на обоих.

На лице Сарвина появилось выражение, которое я уже знала. Сейчас заржёт. Низкий смех прокатился над площадкой, один из техников даже обернулся, а Рearд лишь покачал головой.

— Вот поэтому, дружище, я и скучаю по нашим совместным выездам.

Вампир кивнул в сторону нашего вертолётa.

— А ты куда?

— В Улан-Удэ, на неделю. Хочу сам посмотреть, что у них

происходит с последними показателями. Через связь мы уже ничего нового друг другу не скажем.

— Тогда развлечёшься.

— Очень на это надеюсь.

Сарвин снова хмыкнул. За всё это время он ни разу не обратился ко мне и я нормально к этому относилась. Когда-то мне казалось немного странным, насколько вампиры могут игнорировать присутствующего рядом человека, если не видят причины включать его в разговор. Потом привыкла. Сарвин прекрасно знал, кто я, знал, где мы с Реардом живём, появлялся у нас несколько раз и, подозреваю, вообще знал значительно больше, чем мне хотелось бы. Но другом он был Реарду, а не мне. И необходимость дружить со мной исключительно потому, что я сплю с его другом, ему в голову, к счастью, не приходила.

Техник у его вертолёта окликнул его. Сарвин повернул голову, потом снова посмотрел на Реарда.

— Ладно, мне пора. Если что — пиши.

— Хорошо. Удачи там.

— И тебе, дружище.

Они ещё раз коротко кивнули друг другу, и на этом попрощались. Я дождалась, пока Сарвин отойдёт, и только потом посмотрела на Реарда.

— Вот это, кстати, я понимаю. Пять минут поговорили, выяснили, что оба опять куда-то летите работать, поржали над этим и разошлись. Высокие вампирские отношения.

Рearд покосился на меня.

— Ты предпочла бы, чтобы мы обсуждали чувства?

— Боже упаси. Я бы тогда решила, что кто-то из вас заболел.

Он улыбнулся и забрал у меня сумку. Через несколько минут мы уже были внутри. Я устроилась в кресле, надела гарнитуру и дождалась Рearда. Техники ещё какое-то время ходили вокруг вертолётa, потом закрылся люк, усилился гул двигателей, винты над нами начали набирать обороты. Земля поплыла вниз. Стеклоанное здание быстро уменьшилось, за ним развернулся город — тёмные кварталы, дороги, промышленные корпуса, длинные линии железной дороги. Потом дома стали редкими, потянулся лес, а ещё через некоторое время вдали появилась вода.

Солнце уже поднялось. Байкал отсюда казался огромным и неподвижным. Горы вдоль берега ещё лежали в лёгкой утренней дымке, а там, куда падал свет, поверхность рассыпалась тысячами серебряных вспышек. Будто кто-то набрал горсть крошечных зеркал и швырнул их по воде. Они вспыхивали одно за другим — белые, серебряные, слепящие, — исчезали и тут же загорались чуть дальше. Я придвинулась ближе к окну и вдруг рассмеялась. Рearд повернул голову.

— Что?

— Да ничего. Вспомнила просто.

— Что?

Я ещё несколько секунд смотрела вниз, продолжая улы-

баться.

— Помнишь, ты когда-то тут сказал, что у тебя начинает складываться ощущение, будто в наших отношениях есть третий?

Он посмотрел на Байкал, потом на меня.

— Я до сих пор так считаю.

Я расхохоталась.

— Господи, Реард. Ты серьёзно продолжаешь ревновать меня к озеру?

— Я не говорил, что ревную.

— Нет, конечно. Просто ведёшь наблюдение за потенциальным соперником площадью тридцать с лишним тысяч квадратных километров.

Он улыбнулся.

— С ним сложно конкурировать. У него явное преимущество в размерах.

Я посмотрела на него и засмеялась ещё сильнее.

— Вот это я от тебя сейчас вообще не ожидала.

— Почему? Это объективный факт.

— Самое страшное, что ты способен даже ревность превратить в статистический показатель.

— Я не ревную.

— Да поняла я. Ты просто совершенно спокойно отмечаешь, что каждый раз, когда передо мной появляется Байкал, твоя женщина перестаёт реагировать на окружающую действительность.

— Примерно так.

Я накрыла его руку своей и посмотрела вниз.

— А ведь ты тогда ещё утверждал, что не понимаешь, что я в нём нахожу, а потом выдал своё гениальное: «Это очень много воды».

Он рассмеялся.

— Я не так сказал.

— Именно так. Я тебе минут двадцать рассказывала про горы, воздух, цвет воды, про то, что он каждый раз другой, про ощущение, когда стоишь на берегу и вообще не видишь другого конца. Я, можно сказать, душу перед тобой раскрывала. А ты посмотрел и сказал: «Саша, это очень много воды».

— Я пытался кратко выразить впечатление.

— Ты уничтожил момент.

Я улыбнулась.

— Сейчас-то хоть понимаешь?

Реард не сразу ответил. Он посмотрел вниз, туда, где солнце разбивалось на воде на тысячи мелких бликов.

— Почему ты его любишь?

— Да.

Он чуть пожал плечами.

— Нет.

Я возмущённо повернулась к нему. Он улыбался.

— Но я давно понял, что спрашивать бесполезно. Ты

всё равно начнёшь объяснять, потом сама запутаешься, скажешь, что это невозможно объяснить, и закончишь тем, что мне надо просто смотреть.

— Потому что так и есть.

— Вот поэтому я и смотрю.

Я замолчала. И несколько секунд действительно просто смотрела на него. Рюард перевернул мою ладонь и переплёл наши пальцы.

— И вообще, можешь не переживать. Если выбирать между тобой и Байкалом, я, скорее всего, выберу тебя.

— Скорее всего?

— Не вынуждай меня принимать решение под давлением.

Он тихо рассмеялся.

— Я учту.

— Вот и правильно. Тем более Байкал за мной в пожар не полезет.

— Уже преимущество.

— Значительное. Хотя он красивее.

Рюард повернул ко мне голову. Я продержалась с совершенно серьёзным лицом секунды три и рассмеялась.

Байкал остался позади, и пейзаж под нами постепенно изменился. Горы разошлись шире, леса стало меньше, земля — суше. Под вертолётом тянулись широкие открытые пространства, выгоревшая от солнца трава, пологие склоны, редкие тёмные полосы деревьев. Где-то далеко блеснула вода, потом появились дороги, железная дорога, первые зда-

ния.

База выделялась на фоне открытой долины слишком хорошо. Высокое ограждение очерчивало огромную территорию почти правильной линией, внутри плотнее стояли жилые корпуса, дальше тянулись производственные здания, склады, медицинский сектор. Самое большое административное здание находилось ближе к центру, и рядом с ним, как у нас, располагались ангары и вертолётные площадки. Всё знакомо. Вообще за эти годы я успела понять, что вампиры не любили изобретать новое там, где уже существовало работающее старое. Если одна схема базы оказалась удобной, дальше её повторяли с небольшими поправками, и через некоторое время ты мог прилететь за сотни километров от дома и всё равно примерно понимать, где здесь администрация, где медицина, а где тебе лучше вообще не появляться без специального допуска.

Вертолёт пошёл ниже. По площадке уже двигались техники. Один поднял руку, показывая направление, другой стоял чуть дальше у разметки. Земля приблизилась, корпус дрогнул, и через несколько секунд мы сели. Я сняла гарнитуру и потянулась к двери. К тому моменту, когда я успела её открыть и поставить одну ногу на ступеньку, Реерд уже стоял снаружи. Я посмотрела вниз на него.

— Ты только что сидел с другой стороны.

— И?

— Иногда я забываю, насколько это раздражает.

Он протянул руку. Я собиралась спуститься сама, но всё равно вложила ладонь в его. Я просто давно перестала спорить с некоторыми его привычками. Мы пошли к административному зданию. У входа нас уже ждали. Точнее, ждали Рearда. Это тоже было привычно. Двое вампиров стояли чуть в стороне от дверей, ещё один подошёл к нам, едва мы поднялись на широкую площадку перед входом.

— Господин Арей.

Рearд коротко кивнул. Я остановилась рядом и чуть позади. В такие моменты мне давно не требовалось объяснять, что делать. Это была его работа, его вампиры и его мир. Если мой голос здесь кому-нибудь понадобится, меня спросят. До этого можно было совершенно спокойно постоять и не мешать.

— Управляющий ждёт вас после девяти, — продолжил вампир. — Материалы по секторам подготовлены. Последние данные поступили ночью, мы добавили их к общей выборке. Если захотите начать раньше, я предупрежу его.

— Не нужно. Сначала хочу посмотреть документы без него. И мне понадобятся данные отдельно по каждому сектору, не только итоговые показатели. Особенно за последние три месяца.

— Подготовим.

— Не готовьте. Дайте мне доступ. Я сам посмотрю.

Тот лишь кивнул. Вот. Приехал господин Арей. Пять минут назад он сидел рядом со мной в вертолёте, а теперь го-

лос стал спокойнее, лицо закрылось, и перед местной администрацией стоял уже совсем другой Реард. Мне эта перемена всегда была любопытна. Здесь из него исчезало всё, что никому из этих вампиров не полагалось видеть.

Мы вошли внутрь. Холл оказался практически копией нашего административного корпуса: много стекла, камня, света, широкая лестница, никаких лишних вещей. Только планировка чуть отличалась. У стойки нас остановил ещё один вампир. Он протянул Реарду тонкую карту доступа.

— Ваш пропуск. Полный административный уровень на время проверки, кроме закрытого архива и центрального узла связи. Отдельный доступ при необходимости запросим.

Реард забрал карту. Вторую положили на стойку передо мной.

— Для человека подготовлен временный ограниченный пропуск. Медицинский сектор, репродуктивный блок, столовая, жилой корпус и основной маршрут между ними.

Я взяла карточку. Ну да, всё как обычно, поработать, поесть, поспать. Если очень повезёт — ещё дойти от одного разрешённого здания до другого, не совершив государственного переворота. Остальная база для меня практически не существовала. Я перевернула пропуск в пальцах и сунула в карман. Реард тем временем даже не посмотрел на свой.

— Для неё нужен транспорт.

Вампир за стойкой поднял глаза.

— По маршруту?

— Да. От жилого корпуса до медицинского и обратно. Машина должна быть закреплена за ней на всю неделю, а не подаваться по заявке каждый раз.

— Сделаем.

Ни удивления, ни вопроса, зачем обычному человеку отдельная машина. Если господин Арей сказал, значит, так нужно.

— С управляющим медицинского сектора я свяжусь сам. Её доступ уже подтверждён?

— Репродуктивный сектор подтвердил. Рабочий профиль откроют после первого входа.

— Хорошо.

Вампир открыл ещё одно окно.

— Размещение: второй этаж. Вам двести пятнадцатая. Человеку — двести четырнадцатая. Комнаты рядом, как запрашивали.

Я медленно повернула голову к Рееарду. Он никак не отреагировал. Ах, как запрашивали.

— Если потребуется что-либо ещё, сообщите через внутреннюю связь.

Рееард кивнул, и мы пошли к лестнице. Я молчала примерно до середины пролёта. Потом всё-таки спросила:

— Как запрашивали?

Он посмотрел на меня.

— Что?

— Комнаты рядом.

— А где они должны были быть?

— Не знаю. В разных концах здания для соблюдения приватности.

— Каких?

Я посмотрела на него.

— Ты сейчас прекрасно понял.

На этот раз он улыбнулся.

— Я запросил соседние комнаты.

— Да я уже догадалась. У меня другой вопрос: зачем, если мы с тобой совершенно официально не имеем никакого отношения друг к другу?

— Потому что я не собираюсь бегать по этажам каждый раз, когда захочу тебя увидеть.

Я рассмеялась.

— Господин Арей, вы разрушаете легенду.

— Пять лет она прекрасно переживает вещи и похуже.

Мы вышли на второй этаж.

— У тебя ещё час, — сказал Реед. — Оставь вещи и сначала поешь. Потом езжай в медицинский.

Я покачала головой. Комнаты были в самом конце. Я осталась между двумя дверями и посмотрела сначала на одну табличку, потом на другую. Реед открыл свою дверь. Я приложила пропуск к соседней.

— Ты сейчас сразу уходишь?

— Мне нужно поесть, забрать материалы и к девяти быть внизу. Потом до вечера, скорее всего, не освобожусь.

Я зашла в комнату, поставила сумку на кровать и обернулась к нему. Он так и стоял в коридоре.

— Машину мне когда выдадут?

— Подгонят сюда. Я узнаю номер и отправлю тебе.

— Хорошо.

Я уже собиралась закрыть дверь, но подумала и спросила:

— Тебя сегодня вообще ожидать или ты появишься ночью в образе великого регионального начальника с ненавистью ко всему живому?

Рearд опёрся плечом о косяк.

— Постараюсь закончить к восьми. Если они действительно подготовили то, что обещали, раньше.

— То есть к десяти.

— Возможно.

Он улыбнулся. Я тоже.

— Ладно, иди командуй. Я устроюсь и поеду смотреть, как здесь размножают человечество.

Рearд уже собирался отойти, но задержался. Посмотрел по коридору. Потом шагнул ко мне, одной рукой взял за талию, притянул и быстро поцеловал. Не особенно долго, но точно не так, как целуют женщину, с которой официально не имеют никаких отношений. Отстранившись, он спокойно сказал:

— Вечером зайду.

Я посмотрела на него.

— В мою комнату с документами?

— Разумеется.

— Вот и отлично. Буду ждать рабочее совещание.

Он усмехнулся и ушёл к своей двери. Я закрыла свою. Комната была обычной: кровать, стол, шкаф, душевая, узкое окно на открытую часть долины. Никакой роскоши, но после нескольких лет жизни в собственном доме мне всё равно всегда было странно снова оказываться в таких одинаковых служебных комнатах. Я подошла к окну.

Отсюда хорошо было видно часть базы, ограждение и далеко за ним сухие открытые склоны. Совсем другой пейзаж. Ни привычной зелени, ни байкальской воды, ни леса за домом. На планшете появилось сообщение от Рearда.

«Машина 17. Будет внизу в 8:30. Ключ в салоне».

Я улыбнулась. Раз уж неделю работать здесь, господин Арей сделал всё, чтобы хотя бы в пределах разрешённого маршрута я ни от кого не зависела. Я бросила планшет на кровать и начала разбирать сумку. Через час мне предстояло выяснить, насколько местный репродуктивный сектор отличается от нашего.

Глава 4

Судя по тому, что я успела увидеть за первые двадцать минут — ничем. И, наверное, именно это было самым странным. За сотни километров от дома система оставалась той же. Менялись люди, здания, пейзаж за ограждением был со-

вершенно другим. А правила — никогда.

Ближе к половине одиннадцатого в дверь очень тихо постучали. Я сразу улыбнулась. За весь день никто не проявил желания заглянуть ко мне в комнату, и вряд ли местный репродуктивный сектор внезапно решил продолжить обмен бесценным опытом на ночь глядя. Я отложила планшет и пошла открывать. Репард стоял в коридоре с папкой в руке. В той же рубашке и тёмных брюках, в которых я видела его утром. Только верхние пуговицы теперь были расстёгнуты, волосы чуть растрепались, и выглядел он уже не настолько идеально собранным, как с утра в административном корпусе. Хотя всё равно подозрительно хорошо для вампира, который проработал четырнадцать часов. Он шагнул внутрь, я отступила, и Репард сразу закрыл за собой дверь.

— Как первый день? — спросил он.

Я вернулась к кровати и села, подтянув одну ногу.

— Очень познавательно. Сначала они минут двадцать смотрели на меня так, будто сейчас я достану из сумки тайное знание нашего репродуктивного сектора и навсегда изменю их представление о человеческом размножении. Я смотрела на них примерно так же и пыталась понять, что именно должна здесь почерпнуть, потому что оказалось, что у нас всё устроено одинаково.

Репард положил папку на стол и прислонился к нему бедром.

— Значит, зря приехала?

— Не совсем. Потом мы всё-таки перестали изображать международную научную конференцию и нормально поговорили. Я посмотрела, как они ведут первичные заявки, как проходит отбор, как женщин готовят к программе. У них, кстати, очень неплохой специалист на консультациях. Не врач — женщина, которая именно разговаривает с теми, кто сомневается.

— Психолог?

— Что-то вроде. Только она, по-моему, способна уговорить родить кого угодно. Интересно разговаривает. Не давит, не рассказывает им про долг перед человечеством, вообще не использует всю эту вашу прекрасную статистику. Наоборот, говорит про девять месяцев без донорства, про снижение нагрузки, про здоровье. То есть вроде бы всё то же самое, что говорим мы, но у неё это не звучит как перечень бонусов за выполнение производственного плана.

Я задумалась.

— Мне понравилось. Возможно, кое-что себе заберу. Только не говори никому, что поездка внезапно оказалась полезной, а то ты ещё возгордишься.

— Уже поздно.

— Вот видишь.

Он улыбнулся. Я посмотрела на папку, потом опять на него.

— Ну, а ты? Всех наказал?

Реард поднял бровь.

— Почему обязательно наказал?

— Потому что ты с утра ушёл с таким лицом как будто планировал найти виноватых, построить по росту и методично лишить их желания когда-либо присылать тебе неправильные цифры.

— Я выяснял причины расхождений.

— И?

— Причины нашлись.

— Вампиры ещё живы?

— Большинство.

Я рассмеялась.

— Господи, вот за это я тебя и люблю.

Его взгляд стал теплее. Я ещё раз посмотрела на папку, которую он принёс с собой.

— Знаете, господин Арей...

— Что?

Я медленно оглядела его с головы до ног.

— Вы сейчас очень сексуально выглядите.

Он посмотрел на себя.

— Сейчас?

— Особенно с папочкой. Она придаёт образу особую служебную порочность. Такой весь серьёзный, важный, пришёл к женщине ночью исключительно по рабочему вопросу...

Рearд медленно улыбнулся.

— Исключительно.

— Вот. Я сразу ловлю определённые флешбэки. Мне во-

обще нравится твоя папочка.

— Я начинаю ревновать.

— Правильно. Она молчит и не спорит со мной.

Он рассмеялся. Я встала с кровати, подошла вплотную, взялась за ворот его рубашки и поцеловала. Никакого пла-на у меня в этот момент не было. Просто весь день я его не видела, утром мы разошлись по разным зданиям, вечером несколько раз перекинулись сообщениями, и теперь он наконец стоял рядом. Я потянула его на себя. Он сразу обнял меня за талию. Поцелуй стал глубже, я отступила назад, ещё шаг, ещё, пока край кровати не упёрся мне под колени. Я потянула Реарда за собой, уже собираясь упасть вместе с ним на матрас. Он удержал меня, и я недовольно открыла глаза. Реард едва заметно качнул головой.

— М-м?

Его взгляд скользнул на кровать. Потом на стену, потом вниз. До меня дошло не сразу. Я посмотрела на матрас. Положила ладонь и слегка надавила. Каркас тихо, но совершенно отчётливо скрипнул. Мы оба замерли. Я медленно подняла на него глаза.

— Блядь, — прошептала я.

Реард улыбнулся.

— Здесь повсюду вампиры.

Я прикусила губу. И тут произошло что-то неожиданное. Вместо того чтобы обломаться, я вдруг совершенно отчётливо почувствовала, как от одной мысли, что нельзя, внут-

ри стало только горячее. Реард почувствовал это сразу. Его взгляд задержался на моём лице, потом опустился ниже, и улыбка стала совсем другой.

— Даже не начинай, — прошептала я.

Он молча снял с кровати одеяло. Расстелил на ковровом покрытии между кроватью и окном, подальше от общей стены. Потом взял подушку, кинул на пол и снова посмотрел на меня. Мои глаза округлились.

— Серьёзно?

— У тебя есть вариант лучше?

Я оглядела комнату. Стол отметался сразу. Кровать только что сама себя дисквалифицировала. Стена уже тоже казалась сомнительной идеей.

— Нет.

Реард подошёл, подхватил меня за талию так легко, будто я вообще ничего не весила, и опустил на одеяло. Потом взял валявшуюся рядом подушку, приподнял меня и подложил её под бёдра. Я посмотрела на него снизу вверх.

Он выпрямился и остался стоять надо мной. Вместо того чтобы сразу опуститься рядом, спокойно расстегнул первую пуговицу рубашки, потом вторую, третью.

Медленно. Я прищурилась.

— Ты издеваешься.

— Тише.

Он снял рубашку и бросил её рядом. Потом так же неторопливо расстегнул брюки и стянул их вместе с бельём. Я

уже прекрасно поняла, что он делает. Дома я давно привыкла сама тянуть его на себя, путаться руками в одежде, торопить, если мне хотелось быстрее. Здесь мне внезапно приходилось лежать молча и смотреть, как он намеренно растягивает каждую секунду. И ему это явно нравилось.

— Ты специально, — прошептала я.

— Конечно.

Вот же. Он опустился рядом только тогда, когда я уже готова была сама встать с пола и закончить это издевательство. Я потянулась к нему. Он перехватил моё запястье. Поцеловал ладонь, потом внутреннюю сторону руки, медленно поднялся выше, и я почувствовала его губы у шеи. Я запрокинула голову.

За пять лет вампир успевает выучить не просто тело. Он запоминает реакции. Момент, когда дыхание становится чуть глубже. Движение, от которого ты сама подаёшься навстречу. Место, где лучше задержаться ещё на секунду, потому что именно эта секунда потом уничтожит остатки самобладания. И сейчас он пользовался этим совершенно бесовестно. Реард перехватил обе мои руки одной ладонью и прижал запястья к одеялу над головой. Я дёрнулась скорее по привычке, чем всерьёз. Бесполезно. Он даже не напрягся.

— Ах ты ж...

Окончание осталось где-то у него на губах. Реард поцеловал меня, не дав договорить, но почти сразу ушёл ниже — к подбородку, шее, задержался там, где уже прекрасно знал

каждую мою реакцию, а потом медленно провёл губами по мочке уха. Я судорожно вдохнула. Вот сука.

Достаточно было провести губами в районе ушей, зажать зубами совсем слегка, выдохнуть прямо у кожи — и всё остальное тело моментально начинало жить собственной жизнью. Репард обнаружил это довольно давно. И с тех пор относился к полученному знанию совершенно безответственно.

Я стиснула зубы, стараясь не издать ни звука. Он снова коснулся губами уха. Специально медленно. Провёл языком по кромке, прикусил мочку, выдохнул горячо прямо в раковину. Я выгнулась ему навстречу и обхватила его ногами, притягивая ближе, потому что руками сделать ничего не могла. Хотелось запустить пальцы ему в волосы, потянуть на себя, заставить наконец перестать издеваться и сделать то, чего я уже хотела гораздо сильнее, чем собиралась показывать. Репард только сильнее сжал мои запястья. Я открыла глаза. Он смотрел на меня. Спокойный и собранный внешне, но в глазах — ни хрена не спокойный. Это сочетание всегда действовало на меня особенно плохо.

— Это не смешно, — прошептала я.

Он наклонился к самому уху.

— Ты сегодня слишком много болтаешь.

От низкого голоса прямо у кожи меня пробрало ещё сильнее.

— А ты...

Он снова закрыл мне рот поцелуем. Не дал закончить и на этот раз. Я ненавидела его за эту нарочитую медлительность. Потому что поняла: он не просто помнил, что вокруг вампиры. Ему нравилось, что здесь я вынуждена сдерживаться, и он методично подводил меня к границе, останавливаясь ровно перед ней.

Я снова дёрнула руками. Безрезультатно. Ногами прижала его к себе сильнее, и почувствовала, насколько его член твёрдый, как упирается в меня и от этого внутри всё сжалось в тугой, голодный узел. Реард едва заметно улыбнулся мне в губы. Теперь хотелось его убить. Не сейчас, конечно. Потом, когда я снова научусь нормально думать. Он наконец перестал мучить меня этой бесконечной паузой, отпустил мои запястья только затем, чтобы стянуть с меня бельё, и тут же снова перехватил руки. Потом провёл по мне пальцами — медленно, снизу вверх, размазывая влагу.

Я резко втянула воздух. Реард тут же посмотрел мне в глаза. Я закусила губу, а он вошёл. Медленно. Сантиметр за сантиметром, пока я не почувствовала его всего — до конца, так что дыхание перехватило. Будто времени у нас было до утра, и он поставил себе личной задачей проверить, через сколько минут я окончательно перестану контролировать собственное тело. Я ёрзала под ним, сильнее обхватывала его бёдра ногами, притягивала ближе, пыталась ускорить хотя бы так. Он не позволял. Одной рукой всё ещё держал мои запястья над головой, а сам снова наклонился к шее.

— Сволочь, — одними губами сказала я.

Он улыбнулся и снова поцеловал. Я уже не отвечала сама — просто ловила его рот каждый раз, когда он оказывался рядом, тянулась следом, если отстранялся, дышала ему в губы и пыталась хотя бы этим показать, что терпение моё заканчивается. Но потом изменилось его дыхание. И вот это мне понравилось особенно. Потому что до этого момента казалось, будто мучают исключительно меня, а господин Арей сверху способен продолжать своё методичное издевательство хоть до утра. Нет.

Я почувствовала, как сильнее напряглось его тело, как на секунду сбился ритм, как ладонь на моих запястьях сжалась крепче. Он вошёл глубже, чем прежде, и я едва успела подавить стон. Я специально прижалась к нему ещё сильнее, сжалась вокруг него мышцами. Он медленно выдохнул. У меня внутри вспыхнуло совершенно детское чувство победы.

— Не только мне тяжело молчать, да?

Его взгляд изменился. Я поняла, что лучше бы заткнулась сама. Рюард отпустил мои запястья. Но ровно затем, чтобы в следующую секунду ладонь оказалась у меня на губах. Я замерла. Он тоже уже перестал играть. Движения стали быстрее, увереннее, прежняя издевательская медлительность исчезла, и теперь мне пришлось вцепиться пальцами ему в плечи, потому что молчать становилось невозможно. Каждый толчок выбивал воздух, каждый следующий был глубже предыдущего, и я чувствовала, как внутри всё натягивается

и подступает оргазм. Ладонь всё ещё плотно закрывала мне рот. Я смотрела ему в глаза. И это добило окончательно. Не сам жест даже, а осознание что за стенами вампиры.

Меня накрыло резко. Я зажмурилась, ногами притянула его к себе ещё сильнее, почти до боли, и несколько секунд вообще не понимала, как умудряюсь не издать ни звука. Оргазм прокатился через меня судорогой, сжав всё внутри, и через несколько секунд почувствовала, как он кончил следом, с глухим выдохом прямо мне в шею. На этом исчезло всё его прекрасное самообладание. Когда всё наконец начало стихать, он ещё оставался надо мной, тяжело дыша. Его ладонь всё ещё лежала у меня на губах.

Я открыла глаза и посмотрела на него. Реард медленно убрал руку. Я вдохнула уже нормально и усмехнулась ему куда-то в плечо, потому что сил поднять голову сразу не было. Он провёл ладонью по моим волосам. Я полежала ещё немного, потом всё-таки приподнялась и потянулась к его уху.

— Давай почаще так выбираться, — прошептала я.

Реард застыл. А потом я почувствовала, как он начал беззвучно смеяться. Я тоже улыбнулась.

— Мне серьёзно понравилось.

Он повернул голову и посмотрел на меня.

— Я заметил.

Реард наконец перекатился на спину, увлекая меня за собой. Я устроилась у него на груди.

— Ты зачем папку принёс?

Рearд посмотрел в сторону стола. Папка так и лежала там, ровная, закрытая, совершенно забытая.

— Работать.

Я замерла.

— Серьёзно?

— Изначально — да.

Я зажала рот ладонью, потому что засмеялась слишком резко.

— Господи. То есть ты реально пришёл ко мне с документами, а я тебя совратила.

Он посмотрел на меня.

— Именно так ты собираешься это запомнить?

— Именно так я собираюсь рассказывать эту историю следующие лет десять.

— Никому ты её рассказывать не будешь.

— Почему? Очень красивая история о том, как господин Арей пал жертвой человеческого коварства.

Рearд притянул меня к себе.

— Саша.

— Всё-всё. Молчу.

Я улыбнулась и устроилась удобнее. Потом покосилась на папку ещё раз.

— Завтра тоже её принеси.

Он рассмеялся мне в волосы. И на этот раз шикать на него пришлось уже мне.

Глава 5

К четвертому дню стало окончательно ясно, что с рабочей точки зрения я здесь была совершенно не нужна. Первые два дня местные ходили вокруг меня с выражением, с каким обычно смотрят на приглашённого специалиста из очень далёкого и очень умного места: ну давайте, удивите нас, сейчас вы наверняка расскажете, как у вас научились делать детей каким-нибудь принципиально новым способом. Я примерно с таким же интересом смотрела на них и ждала ответного чуда из Улан-Удэ. К середине третьего дня мы все расслабились, перестали друг другу врать и признали очевидное: работаем мы одинаково. Были мелочи, которые я хотела утащить домой, особенно их работа с женщинами, которые сомневались насчёт программы, но в целом никакой великой межрегиональной революции не случилось.

Утро тоже началось совершенно обычно. Я сидела за чужим столом, листала анкету женщины, которая хотела второй раз войти в программу искусственного оплодотворения, и спорила с местной сотрудницей по поводу того, стоит ли давать ей повторное направление сейчас или дождаться следующего медицинского заключения. Женщина напротив нас нервно теребила край рукава и уже третий раз объясняла, что чувствует себя прекрасно, а я уже третий раз отвечала, что прекрасно — это замечательно, но почки, давление и ге-

моглобин могут быть не согласны с её мнением.

Где-то в коридоре повысили голос. Я даже головы не подняла. За эти дни я уже успела понять, что здесь орут ничуть не реже, чем у нас. Кто-то не получил разрешение, кого-то не устроило время посещения, кому-то перенесли обследование. Люди вообще удивительно плохо становились удобными только потому, что система вокруг них очень этого хотела. Потом женский голос сорвался так, что я всё-таки замолчала на полуслове.

— Я хочу увидеть сына! Вы понимаете меня вообще или нет?!

Женщина напротив тоже обернулась к двери. Моя соседка за столом, Баярма, поморщилась и поднялась.

— Опять Аюна.

— Кто?

Она уже шла к двери.

— Родила две недели назад. После перевода ребёнка приходит почти каждый день. Вчера её не пустили даже до приёмного блока.

Я отложила планшет. Внутри сразу неприятно потянуло, потому что такие истории я знала. Не конкретно эту — вообще такие. Они всегда были самые мерзкие. С беременностью система ещё умела работать красиво: обследования, питание, обещания, что ребёнок будет в безопасности. А потом женщина рожала, ребёнка уносили, и всё прекрасное рациональное устройство внезапно разбивалось об один совер-

шенно бессмысленный с точки зрения системы факт: мать хотела своего ребёнка обратно.

В первые годы, как рассказывали мои коллеги, было гораздо хуже. Тогда детей забирали у людей, которые ещё вчера жили семьями, и никакого «регламента посещений» никто принимать не собирался. Матери караулили машины, отцы пытались пробираться в детские корпуса, люди дрались с охраной, прятали детей, бежали. Потом стало тише. Потому что уже поняли правила игры. А ещё человек вообще, как оказалось, способен привыкнуть практически ко всему, если выбора ему не оставили.

В коридоре стояло человек шесть. Я вышла последней и сначала увидела только худую женщину в серой кофте, которая стояла возле стены и плакала так, что у неё всё лицо было мокрое. Потом она повернулась, и я увидела глаза. Вот тогда мне стало не по себе. Взгляд метался от одного лица к другому, будто она одновременно пыталась понять, кто перед ней, где она находится и почему никто не делает того, что она просит.

— Аюна, — тихо сказала одна из местных сотрудниц, — мы уже говорили. Ваш сын находится в младенческом корпусе, с ним всё хорошо. У вас назначено следующее посещение...

— Я была там! — она почти захлебнулась словами. — Меня не пустили! Мне сказали, его перевели, потом сказали, не перевели, потом вообще сказали приходить завтра. Почему

завтра? Я его родила! Я хочу сейчас!

У меня сжалось горло. И одновременно что-то в этой картинке начало тревожить сильнее, чем её крик. Я не сразу поняла что, пока Аюна не вытерла щёку тыльной стороной руки, и я не увидела вторую. Она держала её прижатой к бедру, а в пальцах что-то было. Баярма рядом со мной резко замолчала.

— Аюна, — теперь сотрудница говорила уже совсем иначе, — что у вас в руке?

Женщина посмотрела вниз, будто сама только сейчас вспомнила. Узкая металлическая неровная полоска, один край сточен, другой замотан чем-то похожим на ткань. Сделано хрен знает из чего и хрен знает где, но посмотреть на эту штуку один раз вполне хватало, чтобы понять: порезаться ей можно очень хорошо. Я машинально отступила на полшага.

— Господи, — едва слышно сказала Баярма рядом.

— Я никого не трону, — сразу заговорила Аюна. — Вы мне его отдайте, и я уйду. Я вообще сюда больше не приду. Я заберу его, и всё... Я сама могу... Мне ничего от вас не нужно.

Она снова заплакала, совершенно по-детски, со всхлипами, пытаясь одной рукой стереть слёзы, а второй всё ещё сжимая эту железку. Мне стало её так жалко, что физически заболело где-то под рёбрами. И одновременно я очень хотела оказаться подальше. Кто-то сзади тихо сказал, что вызвали медицинский персонал и охрану. Аюна услышала движение,

дёрнула головой и вдруг увидела меня.

— Ты.

Она сделала шаг ко мне.

— Ты можешь посмотреть? Просто посмотри, где мой сын. Они мне врут.

— Аюна, у меня нет доступа в детский сектор, — сказала я осторожно. — Но я могу попросить, чтобы при мне проверили, где он сейчас находится. Прямо при мне, понимаешь? Только давай ты сначала эту штуку положишь, потому что сейчас никто никуда тебя с ней не пропустит, и ты сама себе всё хуже делаешь.

Говорила я и чувствовала себя последней сволочью. Потому что прекрасно знала: даже если она сейчас положит железку, ребёнка ей всё равно никто не отдаст. Но Аюна посмотрела на меня очень осмысленно.

— Ты правда посмотришь?

— Посмотрю.

— Саша...

Баярма очень тихо произнесла моё имя. Я даже не повернулась.

— Я просто посмотрю данные. Ничего больше.

Аюна всхлипнула и опустила руку чуть ниже. На секунду мне показалось, что всё сейчас закончится нормально. А потом в дальнем конце коридора появился вампир. Я не знаю, кто его вызвал и зачем он решил подойти именно сейчас. Возможно, это было совершенно правильно. Возможно, че-

рез десять секунд он спокойно забрал бы у неё эту железку, и всё закончилось бы.

Аюна увидела вампира и будто перестала слышать всех остальных. До этого она ещё смотрела на нас, цеплялась за слова, пыталась что-то объяснить, а теперь лицо у неё изменилось мгновенно. Она попятилась, прижимая железку к бедру, замотала головой и несколько раз быстро повторила: «Нет, не надо, не надо ко мне», хотя тот даже не успел толком приблизиться. А потом она рванула. Я даже не поняла куда. Люди вокруг дёрнулись одновременно, кто-то отскочил к стене, Баярма ухватила меня за локоть и потянула назад, но поздно — Аюна уже была рядом. Она влетела в меня всем телом, плечом ударила куда-то в грудь, меня развернуло, и в ту же секунду левую руку полоснуло такой болью, что я резко втянула воздух и согнулась.

— С-с-сука...

Руку будто раскрыли раскалённым ножом от плеча почти до локтя. Я зажала её второй ладонью чисто инстинктивно и тут же зашипела ещё сильнее, потому что прикосновение только усилило боль.

— М-м-м...

— Не трогай! — Баярма уже оказалась рядом и попыталась убрать мою руку.

— Блядь, больно!

— Дай посмотреть!

Меня трясло от адреналина, и хотелось одновременно ру-

гаться, дёрнуть рукой, прижать её к себе и вообще куда-нибудь исчезнуть на ближайшие минут пять, пока она не перестанет так пульсировать. Я всё-таки посмотрела вниз — и пожалела. Рукав мгновенно пропитался кровью. Она стекала по коже, собиралась на локте и капала на пол, а когда Баярма осторожно оттянула ткань, я увидела край раны и сразу отвернулась.

— Нет. Всё. Не показывай!

— Сядь.

— Я нормально стою.

Сказала я и сразу поняла, что соврала. В ушах зашумело, коридор слегка поплыл, и я сама нащупала задницей какой-то стул, потому что падать перед всеми в обморок было бы уже совсем унижительно. К нам кто-то подбежал, прижал к руке сложенную в несколько слоёв ткань, и я дёрнулась что едва не врезала ему здоровой рукой.

— Ай! Осторожнее!

— Нужно прижать.

— Я понимаю, что нужно! Но можно не так, что ты мне её оторвать решил?!

Он что-то ответил, но я уже не слушала. Боль шла волнами — то становилась терпимой, то вдруг снова простреливала так, что приходилось стискивать зубы. Я глубоко дышала через нос и смотрела куда угодно, только не на руку. И тут услышала плач. Аюна сидела прямо на полу дальше по коридору. Железку у неё уже забрали, рядом стояли двое, но

она даже не пыталась вырываться. Просто закрыла лицо ладонями и повторяла сквозь рыдания:

— Я только сына хотела... Я только хотела его увидеть...

Я смотрела на неё и чувствовала совершенно идиотскую смесь жалости и злости. Потому что рука у меня сейчас болела именно из-за неё, и одновременно я прекрасно понимала, что она вообще не собиралась меня резать.

— Что с ней будет? — спросила я.

Баярма, всё ещё стоявшая рядом, посмотрела на меня так, будто не поверила, что меня именно это сейчас волнует.

— Саша, потом.

— Я просто спросила.

— Не знаю, наверное, заберут в медицинский сектор.

Я опять посмотрела на Аюну.

В этот момент меня подняли и повели в соседний корпус. Уже в процедурной с меня начали стягивать кофту, я взвыла, обозвала всех садистами, после чего рукав просто разрезали ножницами, и вот за это решение я была им искренне благодарна. Врач долго рассматривал рану, осторожно двигал мне кистью, заставлял шевелить пальцами, спрашивал, чувствую ли прикосновения. Я отвечала через зубы, потому что к этому моменту боль уже стала тупой и пульсирующей, но стоило ему приблизиться к самому порезу, как я снова начинала шипеть.

— Крупные сосуды целы, — наконец сказал он. — Сухожилия тоже. Повезло.

— Если ещё хоть один человек сегодня скажет мне, что мне повезло, я его укушу.

— Вы кусаетесь?

— Сегодня — да.

Он усмехнулся и наконец занялся обезболиванием. Когда оно начало действовать, я впервые за всё это время нормально выдохнула. Рука постепенно перестала ощущаться своей, боль отступила куда-то далеко, и жизнь сразу стала гораздо терпимее. Пока врач возился с раной, рядом кто-то ходил, менял лотки, что-то записывал. Медсестра подошла с другой стороны, перетянула жгутом здоровую руку. Я даже головы не повернула.

— Только эту не испортите, пожалуйста. У меня их всего две.

— Постараемся, — усмехнулась она.

Я почувствовала укол в вену, потом ещё некоторое время смотрела в потолок, стараясь не думать о том, что происходит слева от меня. Медсестра сняла жгут, прижала к сгибу локтя ватку и ушла вместе с пробирками. Меня интересовало, сколько ещё врач собирается ковыряться в моей руке.

Но самой большой проблемой было не это, а то, что я скажу Рееарду. Пока врач накладывал швы, я ещё как-то об этом не думала. Там были вполне конкретные задачи: не смотреть налево, не дёргаться, не ругаться каждый раз, когда обезбоживание почему-то внезапно переставало казаться таким уж прекрасным изобретением человечества. Потом меня ещё

какое-то время подержали в медицинском блоке, заставили посидеть, принесли воды, снова осмотрели повязку, и только когда стало окончательно понятно, что никто не собирается пришивать мне руку обратно целиком и в ближайшее время я отсюда действительно уйду, в голове появился Репард.

И сразу стало хреново уже по другой причине. Я сидела на краю кушетки в чужой широкой футболке, которую мне где-то нашли вместо моей разрезанной и залитой кровью одежды, смотрела на забинтованную от плеча до локтя руку и пыталась придумать хотя бы одну формулировку, с которой эта история прозвучит не так, будто я умудрилась попасть в какую-то жопу ровно на четвёртый день командировки. Не придумала.

«На меня напала женщина» — сразу звучит так, что Репард снесёт половину сектора раньше, чем я договорю. «Меня случайно задела» — тоже не прокатит, потому что случайно задевают локтем в очереди, а не оставляют восемь швов. «Ничего страшного» вообще можно было даже не пробовать. Он терпеть не мог эту фразу именно потому, что я обычно произносила её в ситуациях, когда уже было что-то страшное.

Через пару часов мне вернули сумку, в которой был телефон. На экране висело одно сообщение от Репарда, отправленное ещё днём. «Освобожусь поздно».

Я посмотрела на него и даже немного обиделась. Вот ведь вампир, прекрасно себе живёт, понятия ни о чём не имеет.

Где-то сидит, проверяет свои отчёты, пугает местное начальство, думает, что его женщина спокойно занимается беременными, а его женщина тем временем уже успела получить обезболивание, швы и рекомендации не мочить повязку. Я набрала: «Хорошо». Посмотрела. Стерла и написала: «У меня тут небольшая неприятность». Стерла ещё быстрее. Если он увидит такое сообщение, через пять минут будет здесь, а я почему-то совершенно не хотела объяснять всё в коридоре медицинского блока под взглядом половины персонала. В итоге просто убрала телефон.

К вечеру меня отпустили. В комнату я вернулась около семи и первым делом подошла к зеркалу. Выглядела я, в общем-то, нормально. Если не считать чужой футболки, из-под рукава которой торчала белая повязка, и слегка помятого лица человека, который за один день получил больше впечатлений, чем собирался. Я попробовала натянуть сверху свою кофту, но это оказалось больно.

— Прекрасно.

К восьми рука начала ныть сильнее. Не той резкой болью, от которой хотелось шипеть и материться, а неприятно, глубоко, будто внутри кто-то методично дёргал одну и ту же струну. Я выпила то, что мне дали с собой, поела в столовой и вернулась обратно. От Реарда больше ничего не приходило. И чем ближе становилось время, когда он обычно возвращался, тем больше меня начинала бесить собственная нервозность.

В конце концов, мне не двенадцать лет. Я не разбила родительскую машину и не сижу теперь в ожидании, когда папа придёт с работы. Меня случайно порезала женщина. Я жива. Рука работает, нервы целы. Более того, я вообще-то пострадавшая сторона, так что, если кто сегодня и имеет право на возмущение, это я. Аргумент был прекрасный, но почему-то ни черта не помогал. К половине десятого я лежала на кровати с планшетом на животе и минут десять читала одну и ту же страницу, когда в дверь постучали.

Я замерла.

— Ну всё, — сказала сама себе и села.

Рука тут же неприятно потянула, и я поморщилась. Постучали снова.

— Да иду я.

Открывать я почему-то пошла так, будто существует способ встать в дверях под правильным углом и сделать незаметной половину руки, замотанную белым бинтом. Не существовало. Я открыла дверь. Рееард стоял в коридоре уже без своей папки, в расстёгнутой у горла рубашке, явно уставший и совершенно спокойный. Ровно до того момента, пока не посмотрел на меня. Его взгляд опустился на руку и остановился. Я сразу выпалила:

— Всё нормально.

Гениально. Из всех существующих фраз я выбрала именно ту, которую собиралась не использовать. Рееард поднял глаза.

— Что произошло?

Голос не изменился вообще. Вот только я слишком давно его знала.

— Для начала: я жива, рука на месте, ничего серьёзного не задето, и врач сказал, что...

— Саша.

— Я рассказываю.

Он вошёл в комнату и закрыл дверь, не отрывая взгляда от повязки. Я отступила, пропуская его, и вдруг почувствовала себя ещё глупее, потому что теперь эта бинтованная рука между нами выглядела размером с бревно.

— На работе была женщина. Она недавно родила, ребёнка забрали, у неё... в общем, с ней явно было очень плохо. Она пришла требовать сына, принесла с собой какую-то заточенную железку. Потом появилась охрана, она испугалась, побежала, мы столкнулись. Всё. Она не нападала конкретно на меня.

Реард смотрел на меня.

— Она была вооружена в медицинском секторе.

— Да.

— И дошла с оружием до сотрудников.

— Ну, технически это была не...

Я увидела его лицо и передумала.

— Да. Дошла.

Он подошёл ближе.

— Покажи.

— Там повязка.

— Саша.

Я вздохнула и осторожно отвернула рукав футболки настолько, насколько получилось. Повязка закрывала всё, но по её размеру вполне можно было понять, что царапиной дело не ограничилось. Реард очень аккуратно взял меня за запястье и повернул руку.

— Сколько швов?

— Восемь.

Его пальцы замерли.

— Но они маленькие.

Он посмотрел на меня.

— Я пытаюсь как-то улучшить ситуацию.

Реард просто закрыл глаза на секунду, а потом очень медленно выдохнул.

— Почему ты мне не сказала?

Вот тут я уже знала, что получу.

— Потому что ты был на работе.

— И?

— И ничего. Меня зашили, я не умирала, ты бы всё бросил и примчался туда.

— Да.

— Вот именно.

Он отпустил мою руку.

— Поэтому ты решила за меня, нужно мне знать или нет.

Я помолчала.

— Когда ты так формулируешь, звучит действительно не очень.

— А как это должно звучать?

— Как забота о твоей нервной системе?

Реард посмотрел на меня так, что я невольно улыбнулась.

— Не работает?

— Нет.

Он прошёл к столу, поставил туда телефон и снова повернулся ко мне.

— Кто отвечал за безопасность сектора?

— Реард, даже не начинай.

— Я спросил имя.

— А я его откуда должна знать? И вообще мне это не надо, потому что ты сейчас пойдёшь кого-нибудь уничтожать, хотя там ситуация была...

— Я никого не собираюсь уничтожать, — перебил он.

— Конечно. Ты просто очень спокойно выяснишь, почему женщина с заточенной железкой дошла до кабинетов, и после этого у нескольких человек внезапно станет значительно больше свободного времени.

— Если они допустили вооружённого человека в рабочую зону, так и должно быть.

— У неё был кусок железа, который она сама заточила. Не автомат под пальто. Ты прекрасно понимаешь, что невозможно обыскать каждого человека так, будто он собирается устроить теракт.

— Можно не допустить человека в таком состоянии дальше приёмной.

Вот тут я замолчала, потому что с этим спорить было сложнее. Реард подошёл опять, уже спокойнее, и положил ладонь мне на талию.

— Сильно болит?

— Сейчас терпимо. Когда порезала, было много мата.

Он посмотрел на меня внимательнее. Я сразу поняла, что зря это сказала.

— Не смотри так. Я не скрываю. Ты спросил — я ответила.

Он осторожно провёл большим пальцем по боку, совсем не касаясь больной руки.

— Ты испугалась?

Я хотела автоматически сказать «нет» и уже практически сказала. А потом вспомнила Аюну, железку, вампира в конце коридора и ту секунду, когда всё вокруг дёрнулось сразу.

— Когда она побежала — да. Но я вообще сначала не поняла, что произошло. А потом так заболело, что уже стало не до страха.

Реард молчал.

— Мне её жалко, — добавила я через некоторое время. — И это самое мерзкое. Я понимаю, что она могла мне руку гораздо сильнее распороть. Могла кому-нибудь в шею этой хреню попасть. Но я всё равно думаю о том, что она сидела на полу и просила вернуть ей сына.

Он опустил взгляд на меня.

— Это не делает произошедшее нормальным.

— Я знаю. Но это и её не делает нормальной преступницей. С ней что-то происходит, Реард. Она родила две недели назад, ребёнка забрали, она почти не спит, приходит туда каждый день. Она стояла и уже толком не понимала, где находится. А потом увидела вашего и просто рванула.

— Нашего?

Я посмотрела на него.

— Вампира.

Он всё-таки улыбнулся, и только теперь я почувствовала, как постепенно отпускает напряжение, с которым ждала его весь вечер. Я уткнулась лбом ему в грудь.

— Я знала, что ты будешь злиться.

— Я не злюсь на тебя, но в следующий раз скажи.

— В следующий раз я вообще планирую спокойно сходить на работу и вернуться с теми же частями тела, с которым ушла утром.

— Это хороший план.

Реард снова посмотрел на повязку, и я закатила глаза.

— Не смотри на неё каждые тридцать секунд. Она от этого быстрее не зарастёт.

— Завтра ты туда не поедешь.

— Поеду.

— Нет.

— Реард.

— Саша, у тебя восемь швов.

— На руке, а не на мозге. Я там сижу за столом.

— Сегодня ты тоже сидела за столом.

— Я уже почти закончила эту нашу бессмысленную командировку, осталось два дня. Я не собираюсь валяться здесь из-за руки.

Он несколько секунд смотрел на меня, потом всё-таки уступил:

— Утром посмотрим.

— Это в переводе с твоего означает «я надеюсь, что за ночь она отвалится и вопрос решится сам»?

— В переводе с моего это означает «утром посмотрим».

Я усмехнулась и потянулась к нему здоровой рукой.

— Иди сюда.

Он обнял меня осторожнее, чем обычно, явно всё ещё помня про плечо, и я сразу недовольно ткнулась носом ему в грудь.

Утром Реард снова посмотрел на мою руку так, будто за ночь она должна была каким-то чудом зарости целиком. Я уже оделась и пыталась одной рукой собрать волосы, когда он стоял у двери и сказал:

— Ты сегодня никуда не поедешь.

Я посмотрела на него через зеркало.

— Это ещё почему?

— Потому что у тебя рука зашита.

— Реард, она зашита именно затем, чтобы я могла про-

должать ею пользоваться, а не торжественно положить её на подушку и охранять до полного восстановления.

— Врач сказал покой.

— Он сказал не нагружать руку. Я там бумажки перекладываю и разговариваю с женщинами, а не вагоны разгружаю.

Он подошёл ближе и забрал у меня резинку, потому что я уже второй раз безуспешно пыталась перехватить волосы повыше. Собрал их сам, довольно ловко, хотя всё равно недостаточно хорошо по моим стандартам, и я тут же полезла поправлять.

— Останешься здесь.

— На каком основании?

— На том, что вчера тебя ранили на рабочем месте.

— Отличное основание. И что ты им скажешь? Что господин Арей лично решил оставить Лёвушкину в жилом корпусе, потому что очень переживает за её ручку? Давай хотя бы здесь не будем своими руками давать людям повод для новых слухов. Мне и так хватает того, что половина наших уверена, будто я живу у тебя на цепи в золотой клетке.

— Никто так не думает.

— Конечно. Они просто очень интересуются, где я живу, почему езжу на машине и с какого хера у меня условия лучше, чем у остальных. Совершенно академическое любопытство.

Он поправил выбившуюся прядь и посмотрел на меня в зеркало.

— Мне плевать, что они думают.

— А мне нет. Не настолько, чтобы оправдываться, но настолько, чтобы не устраивать демонстрацию «Арей запретил женщине выходить из комнаты». Я нормально себя чувствую. Если станет хуже — уеду. Обещаю.

Реард ещё несколько секунд смотрел на меня, явно пытаюсь решить, насколько сильно ему хочется продолжить спор, потом всё-таки отступил.

— Сегодня тебя отвезут туда и заберут обратно. За руль не сядешь.

Я закатила глаза, но спорить было бесполезно.

На работе мне действительно оказалось гораздо проще, чем он ожидал и немного тяжелее, чем я обещала. Рука ныла, особенно если я забывалась и пыталась что-нибудь взять левой, зато местные после вчерашнего обращались со мной с такой осторожностью, будто я могла развалиться от резкого звука. Баярма несколько раз пыталась отправить меня домой, потом смирилась, принесла чай и весь день сама таскала мне планшеты и папки, хотя я просила перестать изображать сиделку. Про Аюну мы не говорили. Я только узнала, что её оставили в медицинском блоке под наблюдением и что ребёнок здоров.

Оставшийся день прошёл спокойно. Я закончила всё, что планировала, забрала себе несколько идей, которые хотела потом предложить нашим, и под конец дня поймала себя на том, что впервые за всю командировку начала посматривать

на часы не от скуки, а потому что отчаянно хотелось домой.

К вечеру я уже откровенно хотела только обратно в комнату, снять одежду, которую весь день приходилось осторожно протаскивать мимо повязки, вытянуться и ни с кем больше не обсуждать человеческое воспроизводство.

Когда вернулась в жилой корпус, Реарда ещё не было. Я переоделась, кое-как устроилась на кровати и открыла служебный планшет. Через внутреннюю связь от него уже висело короткое сообщение:

«Как рука?»

Я улыбнулась.

«На месте. Я тоже. Рабочий день пережили обе».

Ответ появился сразу.

«Боли?»

«Терпимо. И, кстати, я весь день думала об одном».

Пауза.

«О чём?»

Я довольно улыбнулась и набрала:

«Моя интуиция всё-таки не подвела».

На этот раз ответ пришёл не сразу.

«Саша».

Я даже рассмеялась.

«Нет-нет. Я считаю необходимым это зафиксировать. Кто стоял перед зеркалом в день вылета и говорил, что ему очень не хочется сюда лететь?»

«Ты».

«А кто очень хотел, чтобы я полетела»?

Ещё пауза.

«Я».

«Теперь я могу торжественно сказать, я же говорила».

Я через экран видела, как он закатил глаза.

«Больше никуда со мной не полетишь»?

Я перестала улыбаться. Посмотрела на эту фразу чуть дольше, а потом набрала:

«Полечу. Но в следующий раз, если мне утром покажется, что не надо, ты хотя бы не будешь делать вид, что я приду-мала ерунду».

«Я и в этот раз так не делал».

Я вспомнила его лицо у зеркала. Вообще-то правда.

«Ладно. Тогда претензия снимается частично».

И сразу дописала:

«Зато завтра наконец свалим отсюда. Хочу домой».

«Я тоже».

Вот это уже заставило меня улыбнуться совсем по-другому.

«Ещё сутки — и всё. Я вернусь к коллегам, ты к своим несчастным подчинённым, рука заживёт, и жизнь снова пойдёт своим нормальным скучным руслом».

Ответ задержался всего на несколько секунд.

«Тебе нравится наше скучное русло».

Я улеглась удобнее, придерживая больную руку.

«Очень, особенно после этой командировки».

Я закрыла переписку и отложила планшет рядом. Реард пришёл уже ближе к полуночи, когда я почти задремала с планшетом рядом.

Утром я сходила на перевязку, убедилась, что рука за ночь не отвалилась, позавтракала и вернулась в комнату собираться. К назначенному времени я уже окончательно собралась и минут двадцать слонялась по комнате, периодически проверяя, не забыла ли чего-нибудь исключительно потому, что заняться было больше нечем. Вещей немного, сумка стояла у двери, рука с утра ныла меньше, чем вчера, и настроение было прекрасным исключительно от мысли, что ещё немного — и всё это останется позади. Реард пришёл вовремя. Посмотрел на меня, потом, конечно же, на повязку, но на этот раз благоразумно ничего не сказал.

— Всё? — спросил он.

— Всё. Я комнату уже проверила два раза, чтобы случайно не оставить здесь зубную щётку и не получить повод когда-нибудь возвращаться.

Он усмехнулся, взял мою сумку раньше, чем я успела потянуться к ней, и мы вышли. Удивительно, насколько быстро чужое место успевает стать привычным. За несколько дней я уже знала, где поворачивать к лестнице, какая дверь открывается медленнее остальных, где утром обычно стоят двое местных вампиров и разговаривают о работе, даже не понижая голоса, потому что людей рядом не бывает. Теперь всё это больше не имело значения. Я шла рядом с Реардом

и мысленно уже была дома, хотя до дома оставалось ещё несколько часов.

Внизу мы подошли к стойке, где оформляли допуски. Реард положил свою карту на считыватель, вампир за стойкой посмотрел в экран, что-то отметил и вернул её. Потом взял мою. Я стояла рядом молча. Карта легла на панель, короткий сигнал и вампир посмотрел на экран, провёл ещё раз. Я сначала вообще не обратила внимания, мало ли что там у них зависло. Только когда пауза затянулась, повернула голову. Реард тоже смотрел на экран.

— В чём проблема? — спросил он.

— Человек не допущен к перемещению за пределы базы.

Я нахмурилась, но ничего не сказала. Реард даже не изменился в лице.

— Основание?

Вампир открыл другое окно.

— Ограничение медицинского сектора. Центральное распоряжение. До завершения сверки данных.

Я посмотрела на Реарда. Он стоял совершенно спокойно, только взгляд стал другим. Я знала это выражение слишком хорошо — так он смотрел, когда уже переставал просто слушать и начинал мгновенно просчитывать, что делать дальше.

— Когда поступило?

— Сегодня в полдень.

— Покажи.

Он повернул к Реарду экран. Я не видела толком ниче-

го: таблицы, строки, цифры, какие-то обозначения. Да и не особенно пыталась. Меня больше интересовало лицо Реарда. Всего несколько секунд, но у меня неприятно похолодело внутри.

— Господин Арей? — вампир ждал.

Реард отвёл взгляд от экрана.

— Перенеси вылет на два часа.

— Хорошо.

— Если ограничение снимут раньше, сообщи сразу.

— Разумеется.

Мою карту вампир не вернул сразу, ещё что-то отметил, потом положил на стойку со стороны Реарда. Тот забрал её вместе со своей. Мы отошли. Я молчала до тех пор, пока за нами не закрылись двери холла, потом посмотрела на него.

— Что там?

— Не здесь.

Мне сразу стало нехорошо. Я не поняла ни хрена, а Реард никогда не говорил со мной таким голосом из-за обычной ошибки в документах. Мы спустились к машине. Я всё ждала, что он сейчас свернёт в сторону медицинского корпуса, раз только что сказал, что собирается разбираться с ограничением, но Реард открыл пассажирскую дверь.

— А мы куда?

— Садись.

— Реард...

Он посмотрел на меня очень серьёзно.

— Саша, пожалуйста.

После этого я села без дальнейших вопросов. Он положил сумку назад, обошёл машину, сел за руль и завёл двигатель. Мы плавно выехали от административного корпуса. Никто нас не остановил, никто никуда не бежал, внутренний шлагбаум открылся как обычно, и несколько минут происходящее вообще не было похоже на что-то опасное. Я ждала, пока здание останется позади. Потом повернулась к нему.

— Теперь говори.

Рearд смотрел на дорогу.

— У тебя брали кровь.

— Да.

— Они определили группу.

Я ещё секунду смотрела на него, не понимая, к чему он ведёт.

— И?

Он наконец посмотрел на меня.

— Первая.

Я откинулась на сиденье.

— Блядь.

Вот теперь всё начало становиться немного понятнее. Не полностью, но достаточно, чтобы внутри появилось очень нехорошее ощущение.

— Хорошо. Нашли первую. Но ты же сам говорил, что я не единственная. Есть другие люди с первой группой, которые выжили. Почему тогда меня вообще не выпускают?

— Потому что в твоих документах стоит третья. Потому что тебя нет в реестре. И потому что ограничение пришло не отсюда.

Я посмотрела на него.

— А откуда?

— Из Москвы.

Мне понадобилась секунда.

— Что?

— Тебе закрыл выезд центральный медицинский сектор.

Я уже не смотрела в окно.

— То есть данные уже там?

— Да.

И вот теперь он наконец произнёс то, что, видимо, понял ещё возле стойки:

— А это пиздец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.